ГЛУБИННЫЙ УЖАС

Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока есть память в шаре
Разбитом этом¹.

Нижеприведенная рукопись обнаружена в медном с мельхиором ларце, покрытом прихотливой чеканкой уникальной современной работы, что был приобретен на аукционе невостребованной собственности, переданной полицией государству по истечении положенного срока, в округе Лос-Анджелес, штат Калифорния. В ларце с рукописью нашлись также два тонких сборника стихов: «Азатот и прочие ужасы» за авторством Эдуарда Пикмена Дерби («Оникс-сфинкс-пресс», Аркхем, Массачусетс) и «Хозяин туннелей» Георга Рейтера Фишера («Птолеми-пресс», Голливуд, Калифорния). Записи были сделаны рукою второго из поэтов, если не считать двух писем и телеграммы, вложенных между листами. Ларец и его содержимое поступили в ведение полиции 16 марта 1937 года, по обнаружении изувеченного трупа Фишера рядом с его обрушенным кирпичным домом на Стервятниковом Насесте при довольно жутких обстоятельствах.

Сегодня бесполезно искать на карте района Голливудских холмов населенный пункт под названием Стервятниковый Насест, который и городом-то не считался. Вскорости после изложенных здесь событий его название (и без того давно раскритикованное) было изменено благоразумными агентами по продаже недвижимости на Райский Гребень, а само поселение в свой черед поглотил город Лос-Анджелес — событие в тамошних краях не то чтобы уникальное. Точно так же, после небезызвестных скандалов, о которых лучше бы и не вспоминать, название Раннимид² было

¹ Шекспир У. Гамлет. Акт I, сцена 5. Перевод Б. Пастернака.

² Раннимид — небольшой населенный пункт в той же местности. В 1927 г. разросшийся город был назван Тарзаной — в честь Берроуза и его знаменитого персонажа.

изменено на Тарзану¹ — в честь главного литературного шедевра самого знаменитого и безупречного из тамошних жителей.

Магнитооптический метод, о котором пойдет здесь речь и «посредством которого уже обнаружены два новых элемента», — не обман и не вымысел, а технический прием, весьма популярный в 1930-х годах (хотя с тех пор и дискредитированный). Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в любую таблицу химических элементов того времени или в словарные статьи «алабамин» и «виргиний» в «Новом международном словаре» Уэбстера (второе, полное издание). Разумеется, в современных таблицах они отсутствуют. «Безвестный строитель Саймон Родиа», с которым общался отец Фишера, — это не кто иной, как всеми чтимый народный архитектор (ныне покойный), создатель непревзойденно прекрасных башен Уоттса².

Лишь усилием воли удерживаюсь я от пространного рассказа про недвусмысленно чудовищные предположения, вынуждающие меня решиться — в пределах ближайших восемнадцати часов и не позже! — на отчаянный и, по сути, пагубный шаг. Записать надо так много, а времени почти не осталось.

Самому-то мне для подкрепления собственной убежденности никакие письменные доводы не нужны. Все это для меня куда реальнее, нежели повседневная обыденность. Стоит мне только закрыть глаза — и я словно наяву вижу побелевшее от ужаса, большеротое лицо Альберта Уилмарта, мученика мигрени. Верно, есть тут нечто от ясновидения, поскольку, сдается мне, выражение его лица не то чтобы сильно изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз. Мне ничего не стоит вновь услышать эти отвратительные манящие голоса — точно гудение адских пчел и великолепных ос, что поселились во внутреннем ухе, которое я теперь не в силах заткнуть, да и не захочу того вовеки. Больше скажу: внимая им, я задумываюсь, а стоит ли вообще записывать этот из ряда вон выходящий документ. Его найдут — если, конечно,

¹ *Тарзана* — один из пригородов Лос-Анджелеса; основан в 1919 г. писателем Эдгаром Райсом Берроузом. Берроуз приобрел там 200 гектаров земли и назвал поместье Тарзана-Ранч — в честь героя своей книги «Тарзан, человек среди обезьян».

² *Башни Уоттса* — башни в Уоттсе, одном из районов Лос-Анджелеса; построены архитектором Саймоном Родиа (1879–1965) с использованием битой кафельной плитки, посуды, бутылок, а также ракушек.

и впрямь найдут! — в месте, где люди серьезные не придают значения странным откровениям и где шарлатаны встречаются на каждом шагу. Может, оно и к лучшему; может, стоило бы подстраться и порвать в клочки этот лист... Я-то сам нимало не сомневаюсь, к чему приведут систематические научные попытки исследовать те силы, что подстергли меня в засаде и очень скоро заявят на меня права (и добрый ли прием меня ожидает?).

Однако ж писать я буду — пусть лишь из странной личной прихоти. Сколько себя помню, меня всегда влекло литературное творчество, но вплоть до сегодняшнего дня некие неопределенные обстоятельства и сумеречные силы не позволили мне закончить ничего, кроме нескольких стихотворений, по большей части коротких, и прозаических мини-этиюдов. Любопытно проверить, не освободило ли меня хотя бы отчасти от этих комплексов новообретенное знание. Когда я закончу свое изложение, еще успеется подумать, не разумнее ли было бы уничтожить рукопись (до того, как я совершу акт разрушения более великий и значимый). По правде сказать, меня не особенно волнует, что случится или не случится с моими братьями; на мой эмоциональный рост, равно как и на общую направленность моих приверженностей, оказывалось глубокое влияние (да уж, воистину из самых бездн!), как читатель убедится в свой срок.

Пожалуй, стоило бы начать повествование с простого изложения фактов: с интерпретации экспериментальных данных профессора Атвуда, с переносного магнитооптического геосканера Пейбоди или с устрашающего сообщения Альберта Уилмарта о сногшибательных всемирных исследованиях последнего десятилетия, что вела тайная клика преподавателей далекого Мискатоникского университета в кишасщем чародеями, одетом тенью Археме и несколько их коллег-одиночек из Бостона и Провиденса, штат Род-Айленд, или с туманных подсказок, что с подлым простодушием просочились даже в стихи, написанные мною за последние несколько лет. Но, поступи я так, вы бы тотчас же приняли меня за психопата. Причины, приведшие меня, шаг за шагом, к нынешним моим страшным убеждениям, сошли бы за прогрессирующие симптомы, а чудовищный ужас, за ними стоящий, все сочли бы кошмарной параноидальной фантазией. На самом деле, вероятно, именно так вы в конце концов и решите в любом случае, и тем не менее я поведаю вам обо всем, что случилось, —

так, как оно все произошло со мной, шаг за шагом. Тогда вы окажетесь ровно в том же положении, что и я: у вас будут те же самые шансы распознать, если сможете, где заканчивается реальность и вступает в игру воображение и где иссякает воображение и начинается душевное расстройство.

Возможно, за последующие семнадцать часов случится или откроется что-нибудь, что отчасти подтвердит истинность моих записей. Но я так не думаю: ведь проклятое космическое сообщество, заманившее меня в ловушку, исполнено неизъяснимого коварства. Вероятно, мне не дадут докончить рассказ; не исключено, что меня опередят в моем намерении. Я почти не сомневаюсь, что они до сих пор держались в стороне только потому, что уверены: я все сделаю за них. Впрочем, не важно.

Встает солнце — алое, кровоточащее, над предательскими, осыпающимися холмами Гриффит-парка. (Название «Глухомань» здесь подошло бы куда больше.) Морской туман все еще обволакивает расползающиеся предместья внизу, его последние струи стекают с высот сухого Лаврового каньона, но далеко на юге я уже начинаю различать черные скопления нефтяных вышек близ Калвер-Сити: ни дать ни взять роботы на негнущихся ногах изготовились к атаке. А будь я у окна спальни, что выходит на северо-запад, я бы видел, как ночные тени еще мешкают на обрывистых пустошах Голливуда над смутно различимыми тропами — извилистыми, заросшими травой, кишасщими змеями. По ним я бродил, прихрамывая, едва ли не каждый день моего земного бытия, разбирая и осваивая их все более настойчиво.

Свет теперь можно и выключить: мой кабинет уже заливают лучи неяркого алого света. Я сижу за столом — я готов писать весь день напролет. Вокруг меня все на первый взгляд кажется надежным и безопасным: все в порядке, все как надо. Не осталось никаких следов лихорадочного полуночного отъезда Альберта Уилмарта вместе с его магнитооптическим аппаратом, привезенным с Востока, но, однако ж, я словно вещим взором прозреваю перед собою его искаженное страхом, большеротое лицо; вот он, машинально вцепившись в руль своего миниатюрного «остина», удирает через пустыню, точно перепуганный жук, а геосканер лежит на сиденье рядом. Солнце нового дня настигло его раньше, чем меня, — на обратном пути в его обожаемую, невероятно далекую Новую Англию. Дымный алый блеск этого солнца отражается

в его расширенных от страха глазах, ибо не знаю, какая сила заставила бы его повернуть к той земле, что неуклюже сползает в необъятный Тихий океан. Я обиды на него не держу — с чего бы? Нервы его вконец расшатаны ужасами, которые он храбро помогал расследовать в течение десяти долгих лет, вопреки советам более уравновешенных товарищей. А в самом конце ему, надо думать, открылись такие кошмары, которых и вообразить невозможно. И однако ж, он выждал, чтобы позвать меня с собою, и один только я знаю, чего ему это стоило. Он дал мне возможность бежать; если бы я того хотел, я мог бы и попытаться.

Впрочем, полагаю, что моя судьба решилась много лет назад.

Меня зовут Георг Рейтер Фишер. Я родился в 1912 году у родителей-швейцарцев в городе Луисвилл, штат Кентукки. Моя правая ступня от рождения вывернута внутрь; этот дефект легко исправляется при помощи ортопедической шины, да только мой отец ни за что не желал вмешиваться в замысел своего божества — Природы. Он работал каменщиком и каменотесом — человек громадной физической силы и неистощимой энергии, наделенный редкой интуицией (рудознатец, «чующий» воду, нефть и залежи металлов), мастер от бога и блестящий самоучка, пусть и не получивший систематического образования. Вскоре после Гражданской войны¹, еще мальчишкой, он эмигрировал в Америку вместе с отцом, тоже каменщиком, и по его смерти унаследовал небольшое, но прибыльное дело. Уже немолодым он женился на моей матери, Марии Рейтер, дочери фермера, для которого он при помощи «волшебной лозы» отыскал не только место для колодца, но и месторождение гранита, вполне пригодное к разработке. Я был поздним и единственным ребенком: мать меня баловала, отец окружал любовью более вдумчивой. Я мало что помню о нашей жизни в Луисвилле, но то немногое, что сохранилось, окрашено в светлые, жизнеутверждающие тона: картины упорядоченного, счастливого дома, множество родственников и друзей, гости, смех, два шумных праздника Рождества, а еще воспоминания о том, как я замороженно наблюдаю за работой отца, а он режет по камню, и в бледном как смерть граните оживает изобилие цветов и листьев.

¹ Имеется в виду Гражданская война 1847 г. в Швейцарии, продлившаяся несколько месяцев: в результате федеральные войска одержали победу над союзом семи католических кантонов («Зондербунд»), и последний прекратил свое существование.

Здесь следует упомянуть (поскольку для моего рассказа это важно), что впоследствии я узнал: наши родственники по линии и Фишеров, и Рейтеров все считали меня исключительно умным для моего нежного возраста. Мать с отцом в моих талантах никогда не сомневались, но здесь нужно сделать поправку на родительскую предвзятость.

В 1917 году отец выгодно продал свое дело и перевез небольшую семью на Запад, дабы своими руками выстроить свой последний дом в Южной Калифорнии — в этом краю солнечного света, осыпающегося песчаника и рожденных морем холмов. Отчасти причиной тому послужили советы врачей по поводу слабого здоровья матери, подтачиваемого страшным недугом под названием туберкулез. Но и сам отец всей душой мечтал о ясных небесах, круглогодичной жаре и первозданном море и был глубоко убежден, что судьба его лежит на Западе и каким-то образом связана с величайшим из океанов Земли — из которого, возможно, была исторгнута Луна¹.

Отцовская подспудная тяга к этому внешне благодатному и яркому, а внутри зловещему и изъеденному ландшафту, где сама Природа являет простодушный лик юности, маскируя под ним испорченность старости, дала мне немало пищи для размышлений, хотя ничего из ряда вон выходящего в этом тяготении нет. Сюда переселяется множество людей — и здоровых, и недужных, — их влечет солнце, и обещание вечного лета, и неохватные, пусть и безводные поля. Одно лишь необычное обстоятельство стоит отметить: людей откровенно мистического или утопического склада здесь встречается куда больше обычного. Братья Розы, теософы, адепты Четырехугольного Евангелия и последователи Церкви христианской науки, Единая школа христианства, Братство Грааля, спиритуалисты, астрологи — все они и много кто еще тут представлены в большом количестве. Те, кто верит в необходимость вернуться в первобытное состояние и к первобытной мудрости, те, кто изучает псевдодисциплины, порожденные псевдонауками, — о да, и даже несколько повышено общительных отшельников, — такие здесь на каждом шагу попадают.

¹ Согласно одной из гипотез происхождения Луны, выдвинутой Дж. Дарвином в 1878 г., она оторвалась от Земли под действием центробежных сил. Геолог О. Фишер в 1882 г. предположил, что именно в этом месте образовался бассейн Тихого океана. Гипотеза Дарвина—Фишера была общепринятой в начале XX в.

В большинстве своем эти люди вызывают во мне лишь жалость и отвращение, настолько они обделены логикой и жадны до рекламы. Никогда — еще раз подчеркиваю: никогда! — меня не интересовали их занятия и бессмысленно затверженные наизусть принципы — ну, может, разве что с точки зрения сравнительной психологии.

Сюда их привела повышенная любовь к солнцу — характерная черта большинства чудаков любого типа и вида — и еще потребность отыскать неупорядоченную, неустроенную землю, где утопические идеи могли бы пустить корни и расцвести пышным цветом вдали от учтивых насмешек и традиционной оппозиции; то же самое стремление повело мормонов к хранимому пустыней Солт-Лейк-Сити и к Дезерету¹, их раю. Объяснение звучит вполне правдоподобно, даже если отрешиться от того факта, что Лос-Анджелес — город ушедших на покой фермеров и мелких торговцев, город, который лихорадит от присутствия пошлой индустрии, — неизбежно привлечет к себе шарлатанов всех мастей. Да, такого объяснения мне достаточно, и я скорее доволен, потому что даже теперь мне невыносимо было бы думать, что эти отвратительно манящие голоса, выбалтывающие секреты из-за грани космоса, непременно имеют некий размытый радиус действия в пределах целого континента.

(«Резной обод, — нашептывают они здесь и сейчас, в моем кабинете. — Протошогготы, коридор с диаграммами, древний Маяк, сны о Кутлу...»)

Поселив нас с матушкой в уютном голливудском пансионе, где деятельность зарождающейся кинопромышленности обеспечивала нам яркие развлечения, отец рыскал по холмам, ища подходящее место под застройку. Тут-то отцу и пригодился его потрясающий талант находить подземные воды и залежи желанных минералов! Как я понимаю сейчас, тогда он почти наверняка явился первопроходцем тех самых троп, по которым меня неизменно и так неодолимо тянет побродить. Не прошло и трех месяцев, как он нашел и приобрел удобный земельный участок поблизости от эльзасско-французской колонии (всего-то-навсего скопление

¹ *Дезерет* — контролируемая мормонами территория; в 1849 г. жители Солт-Лейк-Сити попытались ввести ее в состав США отдельным штатом. «Штат» просуществовал чуть более двух лет и так не был официально признан правительством США. Название происходит от слова, обозначающего медоносную пчелу, из «Книги Мормона».

одноэтажных домиков) с подчеркнуто колоритным названием Стервятниковый Насест — под стать Дикому Западу.

В ходе расчистки и раскопок на участке обнаружился пласт мелкозернистой твердой метаморфической породы, а также удалось играючи пробурить превосходный колодец — к вящему изумлению недоверчивых соседей, что поначалу были настроены довольно-таки неприязненно. Но отец знал, что делает, и вскоре начал, по большей части своими руками, возводить кирпичное строение средних размеров, что, судя по проектам и планам, обещало превратиться в особняк непревзойденной красоты. Соседи качали головой и поучали: неразумно строить из кирпича в регионе, где землетрясения отнюдь не редкость. Поместье они называли Фишеровой Блажью, как я узнал впоследствии. Плохо же знали они искусство моего отца и прочность его кладки!

Отец купил грузовичок и теперь прочесывал окрестности: на юг — до Лагуна-Бич и на север — до самого Малибу, в поисках печей для обжига кирпича и черепицы, поставляющих продукцию необходимого ему качества. В конце концов он частично покрыл крышу медью, что с годами приобрела красивый зеленый оттенок. В ходе поисков он близко сошелся с Абботом Кинни¹, мечтателем весьма прогрессивных взглядов (он строил венецианский курорт на побережье в десяти милях от нас), и со смуглым, яркоглазым, безвестным строителем Саймоном Родиа — тоже самоучкой, как и мой отец. Все трое тонко чувствовали поэзию камня, керамики и металла.

В старике, должно быть, таился огромный запас сил (так как отец мой к тому времени состарился и волосы его убелила седина), ибо он довел-таки до завершения свой тяжкий труд: спустя два года мы с матерью смогли перебраться в наш новый дом на Стервятниковом Насесте и начать его обживать.

Я пришел в восторг от новой обстановки и был счастлив воссоединиться с отцом; угнетала меня только необходимость посещать школу, куда отец сам отвозил меня всякий день, а потом забирал. Особенно мне нравилось бродить на воле по диким, иссушенным, каменистым холмам — иногда с отцом, но чаще одному: несмотря на искривленную ступню, я был и проворен,

¹ *Аббот Кинни* (1850–1920) — застройщик и специалист по охране природы; наиболее известен своим проектом «Американская Венеция» — приморским курортом в венецианском стиле, со сложной системой каналов, гондолами и гондольерами и обширной инфраструктурой развлечений.

и ловок. Мать боялась за меня, потому что в холмах водились лохматые черно-бурые тарантулы и змеи, в том числе и гремучие, но меня поди удержи!

Отец был счастлив, но ходил как во сне — работал не покладая рук и занимался тысячей дел одновременно, по большей части творческих, заканчивая строительство нашего дома. То был особняк редкой красоты, хотя соседи по-прежнему качали головой и скептически хмыкали при виде его шестиугольной формы, частично скругленной крыши, толстых стен из крепко скрепленного известью (пусть и неармированного) кирпича, фрагментов яркой облицовочной плитки и богато украшенного резьбой камня. «Фишера Блажь», — перешептывались они и хихикали. Но смуглый Саймон Родиа, заглянув в гости, одобрительно покивал. Заехал однажды полюбоваться домом и сам Аббот Кинни — на дорогой машине с чернокожим шофером, с которым он, похоже, держался запанибрата.

Отцовская резьба по камню, фантастически затейливая, и впрямь способна была привести в замешательство — и своими сюжетами, и выбором места: в частности, на выровненном полу из естественного камня в подвальном этаже. Время от времени я наблюдал, как отец над нею работает. На первый взгляд казалось, что из-под резца выходят растения пустыни и змеи, но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что там немало всякой морской живности: зубчатые петли водорослей, извивающиеся угри, рыбы с усами-щупиками, осьминожки щупальца с присосками, а из кораллового замка смотрели глаза гигантского кальмара. В самом центре отец решительно вывел витиеватую надпись: «Врата Снов». Мое детское воображение разыгралось не на шутку, а порою сердце замирало от страха.

Примерно в это время — в 1921 году или около того — у меня начались приступы сомнамбулизма — или, по крайней мере, пугающе участились. Несколько раз отец находил меня на разном расстоянии от дома на одной из троп, по которым я так любил ковылять, и с ласковой осторожностью уносил назад, дрожащего, промерзшего до костей, — ведь в отличие от летнего Кентукки ночи в Южной Калифорнии на диво холодны. И не раз и не два меня обнаруживали спящим, сжавшись в комок, в подвале рядом с гротескным напольным барельефом «Врата Снов». К слову сказать, мать этот барельеф терпеть не могла, хотя и пыталась скрывать свою неприязнь от отца.

В это же время в характере моего сна стали обнаруживаться и другие отклонения, в том числе довольно неоднозначные. Я, активный и со всей очевидностью здоровый десятилетний мальчишка, по-прежнему спал ночами по двенадцать часов, точно грудной младенец. И однако ж, невзирая на необычную продолжительность сна в придачу к возбужденному состоянию, на которое, по всей видимости, указывал сомнамбулизм, сны как таковые мне никогда не снились — или, по крайней мере, по пробуждении я никаких снов не помнил. И так было всю жизнь — с одним-единственным примечательным исключением.

Исключение датируется 1923 годом или около того, когда мне было лет одиннадцать-двенадцать. Те несколько снов (их было восемь или девять, не больше) я помню на удивление ярко и живо. А как же иначе? Ведь в жизни моей только и были, что они, а с тех пор... Но не стоит забегать вперед. В те времена я хранил их в тайне и ни слова не сказал об этих снах ни отцу, ни матери, словно опасаясь, что родители забеспокоятся или изругают меня (странные существа эти дети!), — вплоть до последней ночи.

Во сне я пробирался по коридорам и туннелям с низкими потолками, грубо вырубленным или, может, прогрызенным в скальной породе. Нередко мне мерещилось, что я нахожусь очень глубоко под землей, хотя почему мне так казалось во сне, я и сам не знаю, вот разве что зачастую меня обдавало жаром и чудилось некое не поддающееся описанию давление сверху. А порою это ощущение сходило почти на нет. А иногда мнилось, будто далеко надо мной — огромные массы воды; не скажу почему, ведь странные туннели всегда были сухи. Однако ж во сне я со временем решил, что подземные ходы пролегают под Тихим океаном.

Зримого источника света в коридорах не было. Во сне я измыслил свое собственное объяснение тому, что их вижу, — фантастическое и вместе с тем не лишённое остроумия. Пол в туннеле был странного пурпурно-зеленого цвета. И я решил, что это отражение космических лучей (о них в ту пору все газеты писали, распалая мое мальчишеское воображение), проникших сквозь толщу породы из дальней дали внешнего космоса. С другой стороны, закругленный потолок мерцал нездешним оранжево-синим светом. Во сне я отчего-то знал, что этот эффект вызван отражением неких неведомых науке лучей, что проходят сквозь твердый камень снизу, из раскаленного, сдавленного со всех сторон ядра Земли.

В жутковатом смешанном свете я различал странные резные орнаменты или угловатые картины, покрывавшие стены туннелей от пола до потолка. В них преобладала морская тема, а также и тема безобразного, однако ж они были до странности обобщенными — ни дать ни взять математические диаграммы океанов, их жителей и целых вселенных чужеродной жизни. Если сны о чудовище со сверхъестественным разумом могли бы принять зримые очертания, то они были бы во всем подобны этим бесконечным настенным изображениям. Или если бы сны о таком чудовище отчасти материализовались и смогли перемещаться по таким туннелям, они бы придали стенам именно такие формы.

Поначалу в снах я не ощущал своего тела. Я воплощал в себе своего рода точку зрения, плывущую по туннелям в явственно определенном ритме — то быстрее, то медленнее.

Сперва в этих раздражающих туннелях я не видел ровным счетом ничего, хотя неизменно отдавал себе отчет, что боюсь неожиданных встреч — и к страху этому подмешивалось подспудное желание. Пренеприятное было ощущение, и притом изматывающее; вряд ли мне удалось бы скрыть свое состояние по пробуждении, но я никогда (с одним-единственным исключением) не просыпался прежде, чем сон иссякал, самоисчерпывался, так сказать, и все мои чувства временно истощались.

А затем, в следующем сне, я начал видеть в туннелях разное — разных существ: они плыли по коридорам в том же общем ритме, в каком продвигался и я (или моя точка зрения). Тут были черви длиной с человека и толщиной с бедро, цилиндрические и не сужающиеся к концу. По всей их протяженности, точно сороконожкины ножки, крепились бессчетные пары крохотных крыльев, прозрачных, как у мухи: крылья непрерывно вибрировали, издавая незабываемо зловещее низкое жужжание. Глаз у червей не было: головы представляли собой один круглый рот, обрамленный рядами трехгранных зубов вроде акулих. Невзирая на слепоту, они словно бы чувствовали друг друга на небольших расстояниях, и то, как они, резко накренившись, рывком сворачивали в сторону, избегая столкновения, внушало мне особый ужас. (Уж больно напоминали эти неуклюжие рывки мою собственную прихрамывающую походку.)

Но уже в следующем сне я осознал собственное тело. Вкратце, я сам был одним из этих крылатых червей. Я испытал неопикуемый ужас, однако ж и в этот раз сон длился до тех пор, пока накал его не

иссяк, и проснулся я лишь с воспоминанием о пережитом страхе. И по-прежнему мог (как мне казалось) хранить свои сны в тайне.

Следующий раз я увидел во сне трех крылатых червей: они извивались в более широкой части туннеля, где давление сверху почти не ощущалось. Я по-прежнему оставался скорее наблюдателем, чем участником: проплывал себе червем по узкому боковому проходу. Как мне удалось что-либо рассмотреть, пребывая в теле слепого гада, логика сна не объясняет.

Черви рвали зубами человеческую жертву: какого-то малыша, судя по росту. Три рыла сблизилось и полностью закрыли собою лицо чужака. В зловещее жужжание вплеталась голодная нота, и слышалось сосущее причмокивание.

Светлые кудри, белая пижамка и торчащая из правой штанины ступня, слегка усохшая и резко вывернутая внутрь, свидетельствовали о том, что жертва — это я.

В это самое мгновение меня резко встряхнули, все поплыло у меня перед глазами, из тумана сверху на меня надвинулось огромное, перепуганное лицо матери, а за ее плечом маячил встревоженный отец.

Я бился в судорогах страха, размахивал руками и ногами и кричал, кричал не умолкая. Прошли в буквальном смысле часы, прежде чем меня удалось утихомирить, и лишь спустя много дней отец позволил мне пересказать свой кошмар.

После того отец установил строжайшее правило: никто не смел меня будить, какой бы страшный кошмар мне, по всей видимости, ни снился. Позже я узнал, что в такие минуты он дежурил у моей постели, хмуря брови и подавляя стремление растолкать меня, и бдительно следил, чтобы никто другой этого не сделал.

Несколько ночей подряд я боролся со сном, но кошмар мой больше не повторялся, и вновь по пробуждении я ровным счетом ничего не помнил. Я успокоился, жизнь моя, как наяву, так и во сне, вновь потекла мирно. Более того, приступы сомнамбулизма теперь повторялись не так часто, хотя спал я по-прежнему долго — чему немало способствовало предписание отца ни в коем случае меня не будить.

Однако с тех пор я задумываюсь, не потому ли мои ночные прогулки в беспамятном состоянии сделались реже, что я — или какая-то частица меня — наловчился хитрить. Как бы то ни было, привычки постепенно выпадают из поля зрения близких: их просто перестают замечать.

Временами я ловил на себе задумчивый взгляд отца, как будто тому очень хотелось потолковать со мной о разных серьезных вещах, но в конце концов он всегда подавлял в себе этот порыв (если только я правильно его угадал) и довольствовался тем, что поощрял меня в моих школьных занятиях и в пеших прогулках по холмам, невзирая на подстерегающие там опасности. На моих любимых тропах гремучих змей и впрямь развелось во множестве, может, потому, что в окрестностях безжалостно истребляли опоссумов и енотов; так что отец заставил меня носить высоко зашнурованные сапоги из крепкой кожи.

Пару раз мне примерещилось, будто отец и Саймон Родиа тайком разговаривают обо мне, когда Родиа заезжал в гости.

В общем и целом жил я довольно одиноко, да так оно продолжается и по сей день. Среди соседей друзей у нас не было, а среди друзей никто не числился в соседях. Поначалу так сложилось, поскольку жили мы на отшибе, а еще потому, что в первые годы после Первой мировой войны немецкие имена неизменно вызывали подозрение. Но ничего не изменилось и впоследствии, когда соседей у нас поприбавилось, причем новоприбывшие были настроены вполне терпимо. Возможно, все пошло бы по-другому, проживи отец дольше. (Здоровье у него было отменное, если не считать быструю утомляемость глаз: случалось, перед взором его на краткий миг вспыхивали цветные пятна.)

Но судьба распорядилась иначе. В то роковое воскресенье 1925 года он отправился вместе со мною на привычную прогулку, и мы уже дошли до одного из моих любимых мест, как вдруг земля провалилась у отца под ногами и он исчез — его испуганный возглас звучал все глуше, по мере того как он стремительно падал вниз. В кои-то веки отцовское природное чутье на подземные условия ему отказало. С легким скребущим шорохом вниз ссыпались гравий и несколько булыжников — и все стихло. Я опасно подполз на животе к черной яме в обрамлении травы и заглянул внутрь.

Далеко снизу (судя по звуку) донесся слабый зов отца:

— Георг! Беги за помощью!

Голос отца звучал натужно и выше обычного, как если бы что-то сжимало ему грудь.

— Отец! Я сейчас спущусь к тебе! — закричал я, сложив ладони рупором, и уже просунул в дыру изувеченную ногу, нащупы-

вая точку опоры, когда раздался его исступленный крик: голос звучал отчетливо, но еще выше и еще натужнее, как если бы набрать в грудь достаточно воздуха стоило отцу немалых усилий.

— Не спускайся, Георг, ты вызовешь обвал. Сбегай за помощью... за веревкой!

Поколебавшись мгновение, я вытащил ногу и прихрамывающим галопом припустил домой. Страхи мои усиливал (или, может быть, сглаживал) драматический накал происходящего: в начале того года мы в течение нескольких недель слушали по маленькому детекторному приемнику, мною же и собранному, радиосводки о затянувшихся волнующих попытках спасти Флойда Коллинза, застрявшего в Песчаной пещере близ Кейв-Сити, штат Кентукки. (В конечном счете попытки эти успехом не увенчались.) Думаю, что-то подобное я провидел и для отца.

По счастью, в окрестностях случился молодой доктор. Он-то и возглавил отряд спасателей, который я вскорости повел к провалу, где сгинул мой отец. Из черной бездны не доносилось ни звука, сколько мы ни звали. Помню, кое-кто уже с сомнением на меня поглядывал, как если бы я все придумал шутки ради, когда отважный доктор, вопреки всем советам, настоял, чтобы его спустили в яму: отряд принес с собой крепкую веревку и электрический фонарик.

Спускался он долго, на глубину футов пятидесяти, постоянно переключаясь с оставшимися, и почти так же долго его поднимали наверх. Выбравшись на поверхность, с ног до головы в оранжевых пятнах песчаной пыли, храбрец сообщил нам, что отец безнадежно застрял внизу — одна голова торчит; что он со всей очевидностью мертв — и вытащить его возможным не представляется. (Помню, доктор еще за плечо меня взял, а тут и мать подросла к месту происшествия вместе с двумя другими женщинами.)

В это самое мгновение вновь послышался скрежещущий грохот, и черная яма обвалилась. Одного из спасателей, что стоял на самом краю, едва успели оттащить на безопасное расстояние. Мать пронзительно вскрикнула и рухнула в поддрагивающие бурые травы; ее тоже унесли подальше.

В последующие недели было решено, что тело отца извлечь невозможно. Провал или то, что от него осталось, заделали, высыпав в него несколько мешков цемента и песка. Ставить надгробный памятник на этом месте матери запретили, но в качестве свое-

образной компенсации — логику я так и не понял — округ Лос-Анджелес подарил ей могильный участок на одном из кладбищ. (Сейчас там покоится ее тело.) В конце концов какой-то священник-латиноамериканец неофициально отслужил у провала заупокойную службу, а Саймон Родиа, вопреки предписанию, поставил там небольшой монумент — яйцевидной формы, ни к какой религии не привязанный, из его собственного белого бетона непревзойденной прочности, с именем моего отца, красиво инкрустированный узором из осколков синего и зеленого стекла (в узоры угадывались водяные и морские мотивы). Монумент стоит там и по сей день.

После смерти отца я сделался еще более задумчив и замкнут, а мать, робкая чахоточная женщина, обуреваемая истерическими страхами, к общительности меня отнюдь не побуждала. По правде сказать, насколько я себя помню и уж безусловно со времен трагической и внезапной кончины Антона Фишера важное место в моей жизни занимали только мои собственные размышления да этот кирпичный дом в холмах, с его странной и необычной каменной резьбой, да сами холмы из ноздреватого песчаника — насквозь пропитанные солью и прожженные солнцем. Слишком много их было в моем прошлом: слишком долго бродил я, прихрамывая, по осыпающимся гребням, под растрескавшимися, опасно нависающими глыбами песчаника, по руслам пересохших на многие месяцы рек, что петляют по дну ущелий между склонами. Я много думал о былых временах, когда, как якобы верили встарь индейцы, со звезд в грандиозном метеоритном дожде явились Чужие, и люди-ящеры погибли, пытаясь дорыться до воды, и чешуйчатые морские жители проложили туннели от своих становищ под неохватным Тихим океаном, что к западу составлял целый мир, обширный, как звездные пределы. Во мне рано проснулась чрезмерная любовь к фантазиям столь диким. Слишком многое из природного ландшафта вросло в рельеф моей духовной жизни. Ночами, во время моего долгого, затяжного сна, я бродил в обоих мирах, я в этом ни минуты не сомневаюсь. А днем перед взором моим проносились страшные видения: отец — под землей, не жив и не мертв, в обществе крылатых червей из моего кошмара. Более того, я привык к фантастической мысли о том, что под тропами, по которым я хромал, таится целая система туннелей, в точности повторяющая их очертания, но на разных глуби-

нах — ближе всего к поверхности они подходят в моих «любимых местечках».

(«Легенда о Йиге, — жужжат голоса. — Фиолетовые пряжи, шаровидные туманности, *Canis Tindalos*¹ и их гнусная сущность, природа доэлей, поддвеченный хаос, великие приспешники Кутлу...» Я приготовил завтрак, но кусок в горло не идет. Жадно пью горячий кофе.)

Я вряд ли стал бы так много разглагольствовать о своем сомнамбулизме и о неестественно долгом и глубоком сне (мать готова была поручиться, что в такие часы разум мой пребывает не здесь), если бы не тот факт, что я, по всем отзывам блиставший интеллектом в раннем детстве, надежд в итоге не оправдал. Да, я неплохо успевал в захолустной начальной школе, куда с неохотой плелся каждое утро, а после и в пригородной средней школе, куда ездил на автобусе; да, я рано выказал интерес к самым разным предметам, и мне не раз случалось продемонстрировать безупречную логику и творческое мышление. Беда в том, что развить и закрепить эти моменты озарения мне не удавалось и к систематической усидчивой работе я был не способен. Бывали времена, когда учителя докучали моей матери жалобами на мою неподготовленность и пренебрежение домашними заданиями, хотя, когда начинались экзамены, я почти всегда показывал неплохие результаты. Мои индивидуальные увлечения тоже иссякали довольно быстро. С концентрацией внимания дела у меня и впрямь обстояли неважно. Помню, что нередко усаживался в кресло с любимой книгой или текстом, а несколько минут или даже часов спустя вдруг обнаруживал, что перелистываю страницы далеко от того места, на котором, как мне мнилось, остановился, и в голове не задержалось ровным счетом ничего. Порою только память о том, что отец наказывал учиться, учиться серьезно, поддерживала меня в моих занятиях.

Вы, верно, не усмотрите здесь ничего особенного. Стоит ли удивляться, если одинокий «оранжерейный» ребенок не обладает ни большой силой воли, ни психической энергией? Стоит ли удивляться, если такой ребенок вырастет нерадивым, слабым и нерешительным? Ровным счетом ничего странного в том нет — можно только пожалеть его и упрекнуть. Провидению ведомо, что я упрекал себя достаточно часто, ибо, когда отец поощрял меня

¹ Гончая Тиндалоса (*лат.*).

и поддерживал, я ощущал в себе и мощь, и способности, которым, впрочем, что-то не давало развернуться в полную силу. Ну да в мире полным-полно людей, чьи таланты так и не находят себе применения. Лишь последующие события заставили меня усмотреть в собственных слабостях некий знаменательный смысл.

В том, что касалось моего высшего образования, мать неукоснительно выполняла отцовские распоряжения (о чем я узнал только сейчас). По окончании школы я был отправлен на северо-восток, в одно из старинных учебных заведений, не столь, правда, широко известное, как Лига плюща¹, но ничуть не менее престижное: в Мискатоникский университет, что стоит на извилистой реке с тем же названием, в древнем городе Аркхеме с его мансардными крышами и вязовыми аллеями, тихими, как поступь ведьминского фамильяра. Отец впервые услышал это название от некоего заказчика с северо-востока по имени Харли Уоррен, который задействовал отцовские таланты лозоходца в деле довольно необычном: на кладбище в заболоченной кипарисовой рощице. Хвалебные отзывы этого человека о Мискатоникском университете неизгладимо запечатлелись в памяти отца. Моего школьного аттестата оказалось недостаточно (в нем не хватало ряда обязательных для поступления предметов), но мне удалось-таки — к вящему удивлению всех моих учителей — сдать суровый вступительный экзамен, для которого требовались, так же как и в Дартмуте, определенные познания в греческом, равно как и в латыни. Один только я знаю, чего мне это стоило: «выехал» я исключительно на догадках, призвав на помощь все свое воображение. Не мог же я не оправдать отцовских надежд — сама эта мысль казалась мне невыносимой!

К несчастью, все мои усилия пошли прахом. Еще до конца первого семестра я вернулся в Южную Калифорнию истощенным физически и духовно приступами нервозности, тоски по дому и болезни как таковой (анемия). Кроме того, мой ночной сон сделался еще продолжительнее, и невероятно участились случаи сомнамбулизма, что не раз и не два уводил меня глубоко в пустынные холмы к западу от Аркхема. Я пытался терпеть — терпел довольно долго, по моим ощущениям, — но после нескольких особен-

¹ *Лига плюща* — восемь старейших и наиболее привилегированных частных колледжей и университетов Америки, расположенных в штатах Атлантического побережья на северо-востоке страны (в том числе престижные Гарвардский и Йельский университеты и Дартмутский колледж).

но сильных припадков врачи колледжа посоветовали мне оставить университет. Наверное, они сочли, что из меня хоть сколько-то сильной личности не выйдет, и испытывали ко мне скорее жалость, нежели сочувствие. Неприглядное это зрелище — юнец во власти эмоций и чувств, что скорее пристали пугливому ребенку.

Казалось, что здесь врачи не ошиблись (хотя теперь я понимаю, как они были не правы), потому что недуг мой сводился (по-видимому) просто-напросто к ностальгии по дому. С чувством глубочайшего облегчения вернулся я к матери в наш кирпичный дом среди холмов. В какую бы комнату я ни заходил, я преисполнялся все большей уверенности в себе — то же самое я ощутил даже (или в особенности?) в подвале с его чисто выметенным полом из скальной породы, с отцовскими инструментами и химикалиями (кислоты и все такое прочее) и морскими мотивами в резной надписи по камню «Врата Снов». Казалось, все то время, что я пробыл в Мискатоникском университете, незримая привязь властно тянула меня назад, и лишь теперь напряжение ослабло.

(Разумеется, эти голоса слышны по всему континенту: «Основные соли; храм Дагона; серое, искривленное, хрупкое чудище; адская свистопляска флейт, инкрустированный кораллом многобашенный Рлей...»)

Холмы помогли мне ничуть не меньше, чем наш дом. В течение месяца я всякий день уходил на прогулки, бродил по старым знакомым тропам среди выгоревших, побуревших зарослей, и в мыслях моих теснились древние легенды и обрывки детских раздумий. Думаю, только тогда и только по возвращении я впервые осознал, как много значат для меня эти холмы (а еще немного понял, что именно). От Маунт-Уотерман и крутой Маунт-Уилсон с ее огромной обсерваторией и стодюймовым телескопом-рефлектором — вниз, через пещеристый каньон Туджунга с его множеством извилистых ответвлений, уводящих на равнины, а затем через приземистые холмы Вердуго и те, что ближе, с обсерваторией Гриффита и ее меньшими телескопами — к зловещему, почти неприступному Потреро и к гигантским петляющим каньонам Топанга, что с катастрофической внезапностью открываются на необъятный, первозданный Тихий океан... И все они (холмы то есть), за редкими исключениями песчаные, растрескавшиеся, опасные — земля что скала, скала что выжженная земля, выветрившаяся, осыпающаяся, ноздреватая; и все это обрело надо мною такую

власть, что я — хромой, испуганный слушатель — превратился в одержимого. Более того, одержимость эта ныне проявлялась все в новых и новых симптомах: в силу непонятных причин я теперь выбирал определенные тропы в ущерб всем прочим; были места, где я не мог не задержаться хотя бы ненадолго. Я все больше укреплялся в фантастической мысли, что под тропами проложены туннели, по которым перемещаются существа, притягивающие ядовитых змей внешнего мира — ведь они сродни друг другу. Возможно ли, что за моим детским кошмаром стоит некая сверхъестественная реальность? Я в страхе гнал от себя эту мысль.

Все это, как я уже говорил, я осознал в течение первого месяца после своего позорного возвращения с северо-востока. А когда месяц истек, я вознамерился побороть свою одержимость и возмутительную ностальгию по дому, а также все тайные слабости и внутренние барьеры, не позволяющие мне воплотить в жизнь идеал моего отца. Я выяснил, что полный разрыв с домом, как планировал отец (то есть Мискатоникский университет), для меня невозможен; ну так что ж, я решу свои проблемы, не уезжая прочь: я прослушаю курс в УКЛА (Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе) неподалеку. Я стану учиться, займусь физическими упражнениями, буду закалять тело и ум. Помню, сколь тверд я был в своей решимости. Что за ирония судьбы: мой план, со всей очевидностью логичный, обернулся единственно верным путем к дальнейшему психологическому порабощению.

Однако ж довольно долгое время мне сопутствовал успех. Систематические упражнения, сбалансированная диета и полноценный отдых (все те же мои двенадцать часов сна) пошли мне на пользу: таким здоровым я в жизни себя не чувствовал. Все неприятности, осаждавшие меня на северо-востоке, сгинули в никуда. Я уже не пробуждался, весь дрожа, от лишенного сновидений сомнамбулического транса; более того, насколько я мог судить на тот момент, припадки прекратились навсегда. В колледже, откуда я всякий вечер возвращался под отчий кров, я добился изрядных успехов. Именно тогда я впервые начал писать образные, пессимистические стихи, подцвеченные метафизическими размышлениями, что привлекли ко мне внимание узкого круга читателей. Как ни странно, опусы эти были вдохновлены одним-единственным значимым сувениром, что я вывез из одетого тенью Аркхема: в пропыленной букинистической лавке я приобрел маленький

стихотворный сборник — «Азатот и прочие ужасы», за авторством местного поэта Эдуарда Пикмана Дерби.

Теперь-то я понимаю, что прилив новых сил во времена моей университетской жизни оказался по большей части обманчивым. Поскольку я начал вести новую жизнь и в результате оказывался в новых ситуациях и обстановках (не покидая при этом дома), я уж было уверился, что стремительно прогрессирую. Эту убежденность я каким-то образом умудрился пронести через все студенческие годы. То, что ни один предмет мне не удавалось изучить досконально, то, что я не мог создать ничего, что требовало бы длительных усилий, я объяснял себе так: мои нынешние занятия — это не более чем «подготовка», «интеллектуальная ориентировка» в преддверии великих свершений будущего. Несколько лет я успешно скрывал от самого себя тот факт, что способен распоряжаться лишь одной десятой частью своей энергии, в то время как все остальное уходит — одним только высшим силам ведомо, по каким каналам.

Я думал, я знаю, что за книги изучаю, но теперь голоса твердят мне: «Руны Нуг-Сота, ключица Ньярлатхотепа, литании Ломара, мирские размышления Пьера-Луи Монтаньи, „Некрономикон“, песни Крома-Йа, общие сведения о Йианге-Ли...»

(Снаружи — полдень или около того, но в доме царит прохлада. Мне удалось немного подкрепиться, и я сварил еще кофе. Сходил вниз, в подвал, проверил, на месте ли отцовские инструменты и прочие вещи, кувалда, бутылки для кислот и все такое; посмотрел на «Врата Снов», стараясь ступать совсем тихо. Там голоса звучат громче, чем где бы то ни было.)

Довольно того, что в течение моих шести университетских и «поэтических» лет (полной учебной нагрузки я бы не вынес) я существовал не как полноценный человек, но как фрагмент человека. Я постепенно отказался от всех великих стремлений и довольствовался жизнью в миниатюре. Посещал несложные курсы, писал прозаические отрывки, порой — стихотворение-другое, заботился о матери (она, если не считать тревог обо мне, была крайне нетребовательна) и об отцовском доме (построенном так качественно, что никакого особенного ухода он и не требовал), бездумно бродил по холмам, подолгу спал. Друзей у меня не было. Собственно, не у меня, а у нас. Аббот Кинни умер, Лос-Анджелес прибрал к рукам его «Венецию». Саймон Родиа в гости давно не

заглядывал: он с головой ушел в свой великий самостоятельный архитектурный проект. Однажды по настоянию матери я съездил в Уоттс, скопление утопающих в цветах непритязательных одноэтажных домиков, что совершенно терялись на великолепном фоне башен, вознесшихся к небу, точно синие-зеленая персидская греза. Родиа с трудом вспомнил, кто я такой, и, пока работал, все поглядывал на меня как-то странно. Денег, оставленных отцом (в серебряных долларах), в избытке хватало на наши с матерью нужды. Короче говоря, я смирился с судьбой — причем не без удовольствия.

Это оказалось тем легче, что я все больше интересовался доктринами таких философов, как Освальд Шпенглер¹, который считал, что культура и цивилизация проходят в своем развитии через несколько циклов и что наш собственный «фаустовский» западный мир, со всей своей грандиозной мечтой о научном прогрессе, движется к варварству, которое и поглотит его столь же верно, как то, что готы, вандалы, скифы и гунны поглотили могучий Рим и его долгоживущую сестру, вырождающуюся Византию. Глядя с вершины холмов вниз, на суетливый, непрестанно строящийся Лос-Анджелес, я безмятежно размышлял о будущих днях, когда отряды шумливых косматых варваров пройдут по вздувшемуся, изрытому асфальту улиц и на каждое из разрушенных комплексных зданий будут смотреть как на еще одну «хибару»; когда высокогорный Планетарий Гриффит-парка, романтически возведенный из камня, обнесенный высокими стенами и крепкими бастионами, станет крепостью какого-нибудь мелкого диктатора, когда исчезнут и наука, и промышленность и все их машины и инструменты заржавеют, поломаются и все позабудут, как ими пользоваться... и все труды наши поглотит забвение, подобно затонувшей цивилизации Му² в Тихом океане, от которой остались

¹ *Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер* (1880–1936) — немецкий философ и культуролог; интерпретировал мировую историю как ряд независимых друг от друга культур, проживающих, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания. Душу западной культуры Шпенглер характеризует как «фаустовскую»: ее характеризует бремя бытия, чувство гордости и трагическая мораль.

² *Му* — гипотетический затонувший континент в Тихом океане. В сочинениях оккультных писателей (О. Ле-Плонжон, Дж. Черчвард) Му стало обозначением гигантского тихоокеанского материка — праматери всех мировых культур.

лишь фрагменты городов — Нан-Мадол¹ и Рапа-Нуи, или остров Пасхи².

Но откуда на самом деле пришли эти мысли? Не только и не столько от Шпенглера, держу пари. Нет, боюсь я, что источник их куда глубже.

Однако вот что я думал, вот во что я верил — вот так отвратили меня от исканий и соблазнительных целей нашего делового мира. Все вокруг виделось мне сквозь призму быстротечности, обреченности и упадка, как если бы сама современность крошилась и рушилась, точно завладевшие моей душой холмы.

То была своего рода внутренняя убежденность; не то чтобы я предавался меланхолии, нет. Здоровье мое заметно поправилось, я не скучал и не мучился внутренним разладом. О, порою я бранил себя за то, что не оправдал надежд, возлагаемых на меня отцом, но в целом я, как ни странно, пребывал в согласии с самим собою. Странное ощущение могущества и уверенности в себе переполняло меня: так бывает в разгар какого-то всепоглощающего занятия. Знакомы ли вам отрадное облегчение и глубокая, впитавшаяся в плоть и кровь удовлетворенность, что испытываешь по успешном завершении дневных трудов? Что ж, именно так я чувствовал себя почти все время, изо дня в день. Я считал свое счастье даром богов. Мне и в голову не приходило спросить: «Каких именно богов? Тех, что на небесах... или тех, что из подземного мира?»

Даже матушка моя стала заметно счастливее: болезнь приостановилась, сын окружал ее вниманием, вел деятельную жизнь (пусть и в небольшом масштабе) и не доставлял ей ровным счетом никаких забот (ну вот разве что время от времени уходил на прогулку в кишашие змеями холмы).

Фортуна нам улыбалась. Наш кирпичный особняк выстоял в жестоком лонг-бичском землетрясении 10 марта 1933 года, не понеся ни малейшего ущерба. То-то сконфузились те, кто до сих пор называл его Фишеровой Блажью!

¹ *Нан-Мадол* — искусственный архипелаг в составе Федеративных Штатов Микронезии, общей площадью 79 гектаров, построен в XII–XIII вв.; состоит из 92 островов, связанных системой искусственных каналов. Тайна постройки мегалитического комплекса Нан-Мадол не разгадана до сих пор.

² *Остров Пасхи*, или *Рапа-Нуи*, — остров в южной части Тихого океана, известен загадочными статуями из спрессованного вулканического пепла; ассоциируется с затерянным континентом, на котором существовала высокоразвитая цивилизация, впоследствии канувшая на дно океана.

В прошлом году (1936) я в должный срок получил в УКЛА диплом бакалавра по специальности «английская литература» (дополнительная специальность — «история»); на торжественной церемонии присутствовала и моя гордая матушка. Спустя месяц или около того мы с ней совершенно по-детски радовались, получив первые переплетенные экземпляры моего стихотворного сборничка «Хозяин туннелей»: я напечатал его за свой счет и в приступе авторского тщеславия не только разослал несколько экземпляров на рецензию, но и подарил две книги библиотеке УКЛА и еще две — библиотеке Мискатоникского университета. В сопроводительном письме к доктору Генри Армитейджу, человеку большой эрудиции, библиотекарю означенного учебного заведения, я упомянул не только о своем недолгом пребывании там, но и о том, что источником вдохновения для меня стал некий аркхемский поэт. Рассказал я ему вкратце и об обстоятельствах, в которых создавались стихотворения.

Я издевательски выщучивал перед матушкой этот свой последний широкий жест, но она-то знала, как глубоко я уязвлен своим провалом в Мискатоникском университете и как отчаянно мне хочется восстановить там свою репутацию. Поэтому, когда, всего-то несколько недель спустя, пришло письмо на мое имя со штемпелем Аркхема, матушка, вопреки обыкновению, побежала в холмы, чтобы поскорее вручить его мне. Я же только что ушел побродить.

С того места, где я находился, я едва слышал вопль матери, но тотчас же узнал ее исполненный смертной муки голос. Я сломя голову кинулся обратно — так быстро, как только позволяла хромота. На том самом месте, где погиб отец, мать корчилась и билась на сухой, твердой земле и кричала не умолкая, а рядом с нею извивалась молодая гремучая змея. Она укусила мать в ногу, и икра быстро распухла.

Я убил гнусную тварь палкой, взрезал место укуса острым карманным ножом, высосал яд и вприснул антивенин: на прогулки я всегда брал с собою аптечку.

Но все было тщетно. Мать умерла в больнице два дня спустя. И снова моим уделом были глубокое потрясение и депрессия, а в придачу пришлось пройти через унылый обряд похорон (по крайней мере, участок на кладбище за нами уже числился). На сей раз церемония была куда более традиционной, но ведь на сей раз я остался совсем один во всем белом свете.

Только спустя неделю я смог заставить себя взглянуть на письмо, что несла мне мать. В конце концов, именно оно стало причиной ее смерти. Я чуть не порвал его, не читая. Но распечатал-таки — и с каждой строчкой интерес мой разгорался все более, я был до глубины души поражен... и напуган. Привожу здесь письмо полностью, без купюр:

*Аркхем, Масс.,
118 Салтонстолл-стрит,
12 августа 1936 г.
Голливуд, Калиф.,
Стервятниковый Насест,
г-ну Георгу Рейтеру Фишеру*

Глубокоуважаемый сэръ!

Доктор Генри Армитейдж взял на себя смелость предоставить мне для ознакомления Ваш сборник «Хозяин туннелей», прежде чем он был передан в отдел абонемента университетской библиотеки. Да будет позволено тому, кто служит лишь во внешнем дворе перед храмом муз, в особенности же пред алтарями Полигимнии и Эрато¹, выразить свой неподдельный восторг по поводу Вашего художественного произведения! А также почтительно передать Вам слова восхищения столь же искреннего от профессора Уингейта Пейсли с нашей кафедры психологии, от доктора Френсиса Моргана с кафедры медицины и сравнительной анатомии, который разделяет мои специфические интересы, и от самого доктора Армитейджа. В особенности же хочу отметить стихотворение «Зеленые глубины», замечательное по стройности композиции и силе эмоционального воздействия.

Я доцент кафедры литературы в Мискатоникском университете; мое хобби — фольклор Новой Англии и других областей; впрочем, здесь я всего лишь восторженный дилетант. Если память меня не подводит, шесть лет назад Вы были в моей группе первокурсников по английскому языку. В ту пору мне было крайне жаль, что состояние Вашего здоровья вынудило Вас бросить обучение, и теперь я счастлив обрести наглядное доказательство того, что Вы благополучно преодолели все трудности. Примите мои поздравления!

¹ Полигимния — в греческой мифологии муза торжественных гимнов; Эрато — муза любовной поэзии.

А теперь позвольте мне перейти к следующему, совершенно иному вопросу, что тем не менее косвенно связан с Вашим поэтическим творчеством. Мискатоникский университет в данный момент ведет широкие межфакультетские изыскания в области фольклора, языка и сновидений: мы исследуем язык коллективного бессознательного, и в частности его выражение в поэзии. Трое ученых, на которых я сослался выше, активно участвуют в этом проекте наряду с коллегами из университета Брауна (город Провиденс, штат Род-Айленд), которые продолжают новаторские разработки покойного профессора Джорджа Гаммелла Эйнджелла, и время от времени я имею честь оказывать им содействие. Они уполномочили меня обратиться за помощью к Вам, которая может оказаться неоценимой. Вам понадобится лишь ответить на несколько вопросов, имеющих отношение к Вашему творческому процессу; они никоим образом не вторгаются в святая святых — в суть и смысл Ваших произведений — и не отнимут у вас много времени. Разумеется, любая информация, которую Вы сочтете нужным предоставить, останется строго конфиденциальной.

Мне хотелось бы привлечь Ваше внимание к следующим двум строчкам из «Зеленых глубин»:

Нездешним разумом одушевлен
Коралловый многоколонный Рлей.

Скажите, а в ходе работы над этим стихотворением Вы не рассматривали более экстравагантный вариант написания последнего (предположительно придуманного?) слова? Скажем, «Р'льех»? А если вернуться тремя строками выше, Вам не приходило в голову написать «Нат» (тоже авторский вымысел?) с начальным «П» — т. е. «Пнат»?

В том же самом стихотворении читаем:

В Катае¹ грезит вздыбленный дракон;
Рлей, крипта Кутлу, в бездну погружен.

Имя Кутлу (опять-таки придуманное?) нас чрезвычайно интересует. Вы не испытывали фонетических трудностей в выборе букв для передачи того самого звука, что имели в виду? Возможно, вы предпочли упростить написание в интересах поэтической ясности? А не приходил ли Вам в голову вариант «Ктулху»?

¹ *Катай* — старое название Китая.

(Как видите, выясняется, что язык коллективного бессознательного — неприятно гортанный и шипящий! Сплошь кашель да фырканье, точно в немецком.)

А взять, например, вот это четверостишие в Вашем впечатляющем лирическом стихотворении «Морские мавзолеи»:

*Их шипили — под могильной глубиной,
Их странный отсвет смертным так знаком;
Лишь змей бескрылый тем путем влеком
Меж светом дня и склепом под волной.*

Не вкралась ли ошибка в корректуру или что-то в этом роде? В частности, во второй строчке не нужно ли поставить «незнаком» вместо «так знаком»? (А к слову, какой именно цвет Вы имели в виду — тот, что можно назвать оранжево-синим, или пурпурно-зеленым, или оба?) А в следующей строке — как насчет «крылатый» вместо «бескрылый»?

И наконец, в свете «Морских мавзолеев» и общего названия сборника профессор Пейсли задается вопросом («догадка наобум», как говорит он сам) касательно Вашего образа туннелей под землей и под морем. А Вам когда-нибудь приходила в голову фантазия, что такие туннели будто бы на самом деле существуют в той области, где Вы сочиняли свои стихи? (Предположительно в Голливудских холмах и горах Санта-Моника, в непосредственной близости от Тихого океана.) Не пытались ли Вы, случайно, проследить контуры троп, пролегающих над этими воображаемыми туннелями? И не доводилось ли Вам замечать (простите мне этот странный вопрос!), что на путях этих наблюдается необычайное количество ядовитых гадов — гремучих змей, полагаю (в нашем регионе это медноголовки, а на юге — водяные щитомордники и коралловые аспиды)? Если так, то, прошу Вас, соблюдайте осторожность!

А если в силу какого-то странного совпадения такие туннели действительно существуют, то Вам будет небезынтересно узнать, что наука располагает средствами подтвердить этот факт, не прибегая ни к раскопкам, ни к бурению. Оказывается, даже пустота — т. е. ничто — оставляет следы! Два профессора естественно-научного факультета в Мискатоне, участники той самой междисциплинарной программы, о которой я упоминал, разработали для этой цели портативный прибор — так называемый магнитооптический геосканер. (Это слово-гибрид наверняка слу-

ху поэта представляется неуклюжим и варварским, но Вы же знаете этих ученых!) Не правда ли, странно осознавать, что исследования снов эхом отзываются и в геологии? Этот сложный инструмент с неудачным названием — упрощенный вариант того самого прибора, с помощью которого уже были обнаружены два новых химических элемента.

В начале следующего года я собираюсь съездить на Запад, пообщаться с одним человеком из Сан-Диего, сыном ученого-затворника, чьи изыскания положили начало нашей межфакультетской программе, — Генри Уэнтворта Эйкли. (Местный поэт, — увы, ныне покойный! — которому Вы столь щедро воздали должное, тоже из числа этих первопроходцев, как ни странно.) Я приеду на собственной британской спортивной машине, на мини-«остине». Должен признаться, автомобили — это моя страсть, да я и автолихач в придачу, хоть доценту кафедры литературы и английского языка оно не то чтобы подобает. Я был бы счастлив познакомиться с Вами ближе, если Вы не возражаете. Я бы мог даже привезти с собой геосканер — и мы вместе проверили бы эти гипотетические туннели!

Но боюсь, я слишком забегаю вперед и злоупотребляю Вашей снисходительностью. Прошу меня простить. Я буду Вам бесконечно признателен, если Вы уделите толику внимания этому письму и моим вынужденно нескромным вопросам.

Еще раз позвольте Вас поздравить с публикацией «Хозяина туннелей»!

Искренне Ваш,
Альберт Н. Уилмарт

Невозможно сразу описать мое душевное состояние на тот момент, когда я дочитал письмо до конца. Придется продвигаться постепенно, шаг за шагом. Для начала, я был польщен и обрадован и даже крайне смущен его, по всей видимости, искренними похвалами моим стихам — а какой молодой поэт не испытал бы того же? А в придачу произведения мои привели в восхищение психолога и старого библиотекаря (и даже анатома!) — неслыханное дело!

Как только автор письма упомянул о курсе английского языка для первокурсников, я осознал, что живо его помню. Имя его за минувшие годы позабылось, но воскресло в памяти в мгновение ока, едва я заглянул в конец письма и увидел подпись. В ту пору он был простым преподавателем: высокий, сутулый, тощий как

скелет, юноша, передвигавшийся с порывистой, нервной стремительностью. Прибавьте к этому большой рот, мертвенно-бледное лицо и обведенные темными кругами глаза, придававшие его лицу загнанное выражение, как если бы он постоянно пребывал в мучительном напряжении, о котором не упоминал ни словом. У него была привычка то и дело выдергивать из кармана записную книжку и приниматься лихорадочно царапать в ней карандашом, при этом продолжая бегло и даже блистательно излагать свои мысли. Он, по всей видимости, был фантастически начитан и сыграл немалую роль в поощрении и углублении моего интереса к поэзии. Я даже машину его вспомнил: прочие студенты над нею все подшучивали, причем не без зависти. На тот момент он владел «фордом» модели «Т» и гонял на ней с головокружительной скоростью по окраинам университетского кампуса, резко сворачивая на углах.

Описанная им программа межфакультетских исследований представлялась проектом весьма впечатляющим, невероятно увлекательным и вполне правдоподобным — я в ту пору только что открыл для себя Юнга, а также и семантику. И это любезное приглашение в ней поучаствовать — я снова почувствовал себя польщенным. Будь со мной в тот момент рядом хоть кто-нибудь, я бы наверняка залился краской.

Одна лишь мысль ненадолго остановила меня, и на какое-то мгновение я едва не отвратился в ярости от всего этого предприятия. Я внезапно заподозрил, что истинная цель этой программы — совсем иная, а именно: исследовать иллюзии и галлюцинации натур творческих и неординарных, то есть предмет изучения — не столько неожиданные «озарения», сколько психопатология поэтов. Недаром же в проекте участвуют психолог и медик!

Но автор письма изъяснялся так учтиво и так убедительно — нет, говорил я себе, это чистой воды паранойя. Кроме того, как только я вчитался внимательнее в его подробные вопросы, совершенно иное чувство охватило меня — неизбывное изумление... и страх.

Для начала, он настолько попал в точку в своих догадках (а что это еще, как не догадки? — встревоженно спрашивал себя я) касательно вымышленных названий, что я только ахнул. Я действительно собирался поначалу написать их как «Р'льех» и «Пнат» — именно в такой орфографии, хотя, конечно же, память порою играет с нами странные шутки.

А потом еще «Ктулху»: при виде такого написания я почувствовал, как у меня кровь стынет в жилах, — настолько точно передавало оно густой и низкий, резкий, нечеловеческий не то крик, не то речитатив, что, мнилось мне, доносится из бездонной черной пучины. В конце концов я остановился на сомнительном варианте «Кутлу» — из опасения, что варианты более сложные покажутся слишком претенциозными. (И право слово, внутренний ритм звукосочетаний вроде «Ктулху» в английскую поэзию не втиснешь.)

Добавок он еще обнаружил и две корректорские ошибки — ни больше ни меньше. Первую я просмотрел. Вторую («бескрылый» вместо «крылатый») я заметил, но малодушно оставил как есть, внезапно решив, что вводить в стихотворение образ из моего единственного в жизни кошмара (червь с крыльями) — это уже перебор с фантастикой.

И в довершение всего, как, ради всего святого, умудрился он описать нездешние цвета, которые я видел только во сне и в стихотворениях не упоминал вовсе? Причем использовал он ровно те же самые прилагательные, что употребил бы я! Я начал думать, что в рамках Мискатоникского межфакультетского исследовательского проекта уже, по всей видимости, сделаны эпохальные открытия касательно снов и сновидений и человеческого воображения в целом — достаточные, чтобы поставить тамошних ученых на одну доску с магами и ошеломить Адлера, Фрейда и даже Юнга.

Дойдя до этой части письма, я решил было, что автор исчерпал запас сюрпризов, но следующий же абзац вскрыл еще более глубокий источник ужаса — источник, пугающе близкий к повседневной реальности. Поразительное дело — автор письма знал или как-то вычислил все о тропах в холмах и о моих странных грезах про песчаные склоны и туннели, под ними якобы пролегающие! И представьте, еще спросил и даже предупредил меня насчет ядовитых змей, так что само письмо, что мать несла мне запечатанным, когда ее ужалили насмерть, содержало в себе эту жизненно важную ссылку: честное слово, в первое мгновение — и долее — я гадал, не сошел ли я с ума.

А под конец, когда, несмотря на все его шутивно-легкомысленные отписки — «авторский вымысел», «догадка наобум», «гипотетический» — и типично профессорские остроты, он заговорил так, как если бы считал мои воображаемые туннели настоящими, и походя сослался на научный прибор, способный это доказать...

Так вот, к тому времени, как я дочитал письмо, я уже ждал, что в следующее мгновение он появится передо мною вживую — глядь, а он уже здесь, резко вырывается на нашу подъездную аллею в эффектном шоу колес и тормозов в своей модели «Т» (нет, у него же «остин»!) и, подняв тучу пыли, останавливается у нашей двери. А на переднем сиденье рядом с водителем лежит геосканер — точно грузный черный телескоп, направленный вниз, в земные недра.

А между тем обо всем этом он рассуждал с такой адски беспечной небрежностью! Я просто не знал, что и думать.

(Снова спускался в подвал, проверил, как там. Пока писал, разволновался не на шутку, просто места себе не нахожу. Вышел из дому: в косых лучах жаркого западного солнца тропу переползла гремучая змея. Вот, пожалуйста: очередное свидетельство того, что страхи мои обоснованны — если, конечно, доказательства здесь вообще нужны. Или я на это надеюсь? Как бы то ни было, я убил гнусную тварь. Голоса вибрируют: «Полурожденные миры, чужеродные небесные тела, движение в непроглядной тьме, сокрытые формы, темные как ночь пучины, мерцающие вихри, пурпурное марево...»)

На следующий день, отчасти успокоившись, я написал Уилмарту длинное письмо, подтверждая все его намеки, признаваясь, что до глубины души ими потрясен, и умоляя объяснить, откуда ему столько известно. Я изъявлял готовность посодействовать пресловутому межфакультетскому проекту всем, чем могу, и приглашал его в гости, когда тот окажется на Западе. Я вкратце изложил ему историю своей жизни и нарушений сна, упомянув также и о смерти матери. Отправляя письмо, я испытывал странное ощущение нереальности происходящего и ответа ждал со смешанным чувством нетерпения и затянувшегося (и нарастающего) неверия в то, что Уилмарт мне ответит.

Когда же ответ пришел — и изрядно увесистый! — меня вновь охватило былое возбуждение, а любопытство между тем удовлетворено так и не было. Уилмарт по-прежнему был склонен списывать со счетов свои предположения и выводы своих коллег касательно моих снов, фантазий и выбора слов как удачные догадки, хотя рассказал мне о проекте достаточно, чтобы воображение мое распалось не на шутку, — особенно об открытии подспудных связей между жизнью воображения и археологическими находками в отдаленных местах. Особенно заинтересовал его тот факт, что снов мне, как правило, не снилось и что спал я необычно дол-

го. Он осыпал меня благодарностями за помощь и за приглашение, обещая непременно побывать у меня, когда поедет на Запад. А еще у него нашлось ко мне без числа новых вопросов.

Последующие месяцы выдались в высшей степени странными. Я жил самой обыкновенной жизнью, если такое определение здесь уместно, читал, предавался ученым занятиям, бывал в библиотеке, даже стихи время от времени пописывал. По-прежнему ходил гулять в холмы, хотя теперь сделался более осмотрителен. Порою мне случалось остановиться и долго, неотрывно смотреть на сухую землю под ногами, словно ожидая рассмотреть очертания потайной двери. А порою меня охватывало внезапное, неодолимо яростное чувство вины и горя при мысли о том, что отец мой замурован там, внизу, а мать погибла страшной смертью: мне казалось, что я должен отправиться к ним — любой ценой.

И в то же время я жил только письмами Уилмарта и настроениями благоговейного трепета, фантастических домыслов и паники — ужаса почти блаженного, — что они во мне рождали. Помимо проекта он писал обо всем на свете — о моей поэзии и ее новых толкованиях и о моих идеях (здесь он то и дело разыгрывал наставника и ментора), о событиях в мире, о погоде, астрономии, подводных лодках, о своих кошках, о внутриуниверситетской политике в Мискатоне, о собраниях избирателей в Аркхеме, о своих лекциях и о своих предстоящих недалеких разъездах. В его изложении все это звучало захватывающе интересно. Он явно обожал писать письма, и под его влиянием я тоже пристрастился к эпистолярному жанру.

Но более всего, разумеется, меня завораживало все то, что он время от времени писал о проекте. Он поведал мне немало всего интересного про мискатоникскую экспедицию в Антарктику 1930–1931 годов, с ее пятью громадными самолетами «дорнье», и про прошлогоднюю довольно неудачную экспедицию в Австралию, в которой участвовали психолог Пейсли и его отец, бывший экономист. Помню, что читал о них обоих в газетах, хотя репортажи были на удивление обрывочны и неполны, как если бы пресса относилась к Мискатоникскому университету с изрядной предвзятостью.

У меня создалось стойкое впечатление, что Уилмарт очень хотел присоединиться к обеим экспедициям, но не смог (или ему не позволили), что крайне его расстраивало, хотя он по большей части мужественно скрывал свое разочарование. Не раз и не два

он ссылался на свою «болезненную возбудимость», чувствительность к холоду, жестокие мигрени и «приступы недуга», на несколько дней укладывающие его в постель. А порою он с тоскливым восхищением отзывался о колоссальной энергии и крепком сложении нескольких своих коллег, таких как профессора Атвуд и Пейбоди, изобретатели геосканера, доктор Морган, охотник на крупную дичь, и даже восьмидесятилетний Армитейдж.

Порою Уилмарт задерживался с ответом — то по причине очередного приступа, то потому, что дольше ожидаемого пробыл в очередной поездке, — и всякий раз я не находил себе места от тревоги. Один из последних своих визитов он нанес в Провиденс — пообщаться с коллегами и помочь в расследовании смерти Роберта Блейка, поэта вроде меня, а также автора рассказов и художника: его творчество обогатило проект немалым количеством ценного материала. Блейк погиб при загадочных обстоятельствах, включающих в себя удар молнии.

Сразу после поездки в Провиденс Уилмарт с непривычной сдержанностью и едва ли не с неохотой упомянул о визите к еще одному тамошнему коллеге (на тот момент недужному) — к некоему Говарду Филлипсу Лавкрафту, который беллетризировал (в довольно-таки сенсационном ключе, предостерег меня Уилмарт) несколько аркхемских скандалов и кое-какие мискатоникские исследования и проекты. Эти рассказы и повести если и публиковались, то лишь в дешевых низкопробных журналах, в частности в бульварном издании под названием «Жуткие истории» (если и дерзнете купить экземпляр, то обложку надо отодрать сразу, уверял меня Уилмарт). Я припомнил, что видел этот журнал в газетных киосках в центре Голливуда и Уэствуда. И обложка мне глаз не резала. Нагие женские фигуры авторства какой-то сентиментальной художницы были выполнены в благочинно прилизанных пастельных тонах, а их позы скорее игривы, чем порочны. Что до прочих иллюстраций за авторством некоего Сенфа, они представляли собою довольно цветистые образчики «народного искусства», весьма похожие на резные цветочные орнаменты моего отца.

После этого, сами понимаете, я обшарил все букинистические лавки, выискивая экземпляры «Жутких историй», главным образом с рассказами Лавкрафта, и наконец нашел и прочел несколько штук — в том числе и «Зов Ктулху», ни больше ни меньше. И поверьте, меня просто в дрожь бросило, когда глазам моим вновь предстало это имя — в столь диковинных обстоятельствах, напе-

чатанное черным по белому в самом что ни на есть дешевом журнале. Воистину, мое чувство реальности дало сбой: если повесть, которую Лавкрафт излагает с таким сдержанным достоинством и с такой убедительностью, и впрямь хоть сколько-то правдива — значит Ктулху и впрямь существует, это внеземное чудовище из других измерений и впрямь спит в безумном городе на дне Тихого океана и шлет мысленные послания внешнему миру! (Кто знает, может, и туннели — порождение его разума?) В другом рассказе, под названием «Шепот во мраке», Альберт Н. Уилмарт выступал главным героем, а также и упомянутый им Эйкли.

Все это пугало, сбивало с толку, ставило в тупик. Если бы я сам не учился когда-то в Мискатоникском университете и не жил в Аркхеме, я бы наверняка решил, что и они тоже — авторская проекция.

Как вы легко можете себе вообразить, я продолжал обшаривать пыльные букинистические лавки и буквально забросал Уилмарта лихорадочными расспросами. Его ответы звучали успокаивающе — и ничего ровным счетом не объясняли, оттягивая время. Да, он боялся, что я слишком разволнуюсь, но не удержался от искушения и рассказал-таки про пресловутые публикации. Лавкрафт зачастую чересчур сгущает краски. Я все пойму куда лучше, когда мы сможем наконец поговорить вдвоем: он мне все растолкует. Право же, Лавкрафту воображения не занимать — порою оно выходит из-под контроля. Нет, Мискатоникский университет никогда не пытался запретить публикации или возбудить против автора судебное дело, опасаясь еще более нежелательной огласки, а также и потому, что участники проекта полагают, будто эти истории послужат для мира неплохой подготовкой, если некоторые из особенно пугающих гипотез подтвердятся. Право же, Лавкрафт — человек редкого обаяния и действует из лучших побуждений. Просто иногда заходит слишком далеко. И так далее и тому подобное.

Честное слово, думаю, я не смог бы дольше сдерживаться, но наступил 1937 год, и Уилмарт сообщил мне, что наконец-то выезжает на запад. «Остин» был тщательно осмотрен, отремонтирован и набит под завязку: в него загрузили геосканер, бессчетные книги и бумаги и прочие инструменты и материалы, включая некое вещество, не так давно усовершенствованное Морганом, «что стимулирует сновидения и, вероятно, как сам он уверяет, способствует ясновидению и яснослышанию. Возможно, оно заставит видеть

сны даже вас, если только вы согласитесь принять внутрь экспериментальную дозу».

На время отсутствия Уилмарта в его апартаментах в доме 118 по Солтонстолл-стрит поселится его близкий друг по имени Данфорт: последние пять лет он провел в психиатрической лечебнице, приходя в себя после пережитых ужасов на Хребтах Безумия в ходе антарктической экспедиции. Данфорт заодно и присмотрит за его кошками, в том числе за ненаглядным Чернышом.

На тот момент Уилмарту отчаянно не хотелось уезжать; в частности, он всерьез беспокоился за Лавкрафта, здоровье которого все ухудшалось, и тем не менее отбыл в путь!

Следующие недели (растянувшиеся на два месяца) для меня были исполнены немислимого напряжения, беспокойства, волнующего предвкушения. Уилмарту предстояло навестить такое количество друзей и мест и провести столько изысканий (с использованием геосканера), что у меня просто в голове не укладывалось. Теперь он слал главным образом открытки, в том числе пейзажные, и приходили они регулярно, если не считать одной-двух пугающих пауз. Своим бисерным почерком он умудрялся вместить на них столько всего (даже на пейзажные открытки!), что мне зачастую казалось, будто я сопровождаю его в путешествии и тревожусь за внутренности его «остина» — «Жестяной лани» (так Уилмарт прозвал свою машину в честь «Золотой лани» сэра Френсиса Дрейка)¹. В моем же распоряжении был лишь список из нескольких адресов, куда я мог писать ему заранее: Балтимор; Винчестер, штат Виргиния; Боулинг-Грин, штат Кентукки; Мемфис; Карлсбад, штат Нью-Мексико; Тусон и Сан-Диего.

Сперва ему понадобилось остановиться в округе Хантердон, штат Нью-Джерси, с его причудливо старомодными фермерскими общинами, дабы исследовать некие руины, возможно доколониального происхождения, и поискать с помощью геосканера некую, по слухам, существующую пещеру. Затем, после Балтимора, предстояло изучить обширные известняковые пещеры в Западной Виргинии. Уилмарт проехал через аппалачский Винчестер в Кларксбург — перегон изобиловал резкими поворотами, водителю на радость. На подъезде к Луисвиллу «Жестяная лань» едва не сгнула в большом наводнении при разливе реки Огайо (в ра-

¹ «Золотая лань» — английский галеон, совершивший кругосветное плавание между 1577 и 1580 гг. под командованием сэра Френсиса Дрейка (1540–1596).

дионовостях целыми днями только о нем и говорили, а я не отрывался от супергетеродинного приемника), так что навестить нескольких тамошних друзей Лавкрафта по переписке ему не удалось. Затем для геосканера нашлась работа вблизи Мамонтовой пещеры. По всей видимости, пещеры в маршруте преобладали, потому что, завернув по дороге в Новый Орлеан побеседовать с неким ученым-окультистом французского происхождения, Уилмарт отправился к Карлсбадским пещерам и к соседним, менее известным подземным пустотам. Я же все больше размышлял на тему своих туннелей.

«Жестяная лань» держалась молодцом, вот разве что на перегоне через Техас сорвало головку поршня («Слишком долго я ее гнал на полной скорости»), так что Уилмарт потерял три дня на ремонт.

Между тем я находил и читал все новые рассказы Лавкрафта. В одном — он подвернулся мне в букинистической лавке, хотя сам журнал был довольно свежий, — в самой что ни на есть впечатляющей художественной форме рассказывалось об австралийской экспедиции, и в частности о снах старика Пейсли, из-за которых все и началось. В этих снах разум Пейсли переселялся в тело конусообразного чудовища и вечно странствовал по длинным каменным коридорам, наводненным незримыми свистунами. Это настолько походило на мои собственные кошмары, в которых я тоже обменялся сознанием с крылатым жужжащим червем, что я тут же отослал авиапочтой отчаянное письмо Уилмарту в Тусон, рассказав ему все как есть. Ответ пришел из Сан-Диего, полный ободряющих заверений и обещаний в свой срок все прояснить. А еще Уилмарт упоминал о сыне старого Эйкли и о морских пещерах, которые они сейчас вдвоем исследуют, и (наконец!) назначал дату своего прибытия (причем очень скоро!).

Накануне я как раз разжился ценной находкой на своем любимом голливудском книжном развале: маленьким, броско иллюстрированным томиком Лавкрафта под названием «Морок над Инсмутом», изданным в «Визионер-пресс». Я просидел с книгой полночи, не в силах оторваться. Рассказчик обнаружил, что в глубинном подводном городе у побережья Новой Англии живут зловещие чешуйчатые гуманоидные существа, осознал, что и сам превращается в одного из них, и в конце концов решил (к добру или к худу) нырнуть на дно и примкнуть к ним. Это напомнило мне мои безумные фантазии о том, чтобы как-нибудь спуститься

под землю в недра Голливудских холмов и спасти отца — либо воссоединиться с ним.

Между тем начала прибывать почта, адресованная мне для передачи Уилмарту. Он загодя испросил моего разрешения включить мой адрес в план маршрута, рассылаемый прочим своим корреспондентам. Приходили письма и открытки из Аркхема (судя по штемпелям) и из разных городов по пути следования машины, а также и из-за границы (по большей части из Англии и континентальной Европы и одно из Аргентины), а еще небольшая бандероль из Нового Орлеана. На большинстве их обратный адрес был собственно Уилмарта: Солтонстолл-стрит, дом 118, чтобы письма в конце концов дошли до адресата, даже если по пути он их не подберет. (Он и меня просил делать то же самое с моими посланиями.) Впечатление это производило странное: как если бы Уилмарт писал сам себе; в душе у меня чуть не пробудились изначальные подозрения насчет его самого и пресловутого проекта. (Одно письмо, из числа последних, — увесистый конверт, щеголяющий одной шестидесятицентовой маркой авиапочты и сверх того десятицентовой за срочную доставку, — было адресовано Джорджу Гудинафу Эйкили, Сан-Диего, штат Калифорния, Плезант-стрит, дом 176, а затем переслано на мой адрес, указанный в верхнем левом углу.)

Ближе к вечеру следующего дня (воскресенье, 14 апреля, — канун моего двадцатипятилетия, между прочим) Уилмарт прибыл — примерно так, как я себе и представлял, дочитав до конца его первое письмо. Вот разве что «Жестяная лань» оказалась еще миниатюрнее, чем мне воображалось, и выкрашена ярко-синей эмалевой краской (сейчас, впрочем, ее покрывал толстый слой пыли). На переднем сиденье рядом с водителем и впрямь покоился странный черный футляр — и тут же много всего другого, главным образом карты.

Уилмарт сердечно со мной поздоровался и тут же затараторил без умолку, пересыпая нескончаемый поток слов шутками и смешками.

Вот что потрясло меня до глубины души: я знал, что Уилмарту лишь тридцать с небольшим, но волосы его убелила седина, а памятный мне загнанный (или затравленный?) вид проявился заметно ярче. И как же он нервничал — поначалу и минуты постоять спокойно не мог. Очень скоро я совершенно уверился в том, о чем прежде и помыслить не смел: все его живость и бойкость,

шутки и смех были не более чем маской — маской, скрывающей страх, нет, неизбежный ужас, что в противном случае грозил полностью подчинить его себе.

Первыми его словами были:

— Мистер Фишер, я полагаю? До чего же я счастлив познакомиться с вами вживую и насладиться вашим целительным солнышком! По мне видно, как я в нем нуждаюсь, не так ли? Жуткое зрелище! Здешний ландшафт, не могу не отметить, выглядит и впрямь пещерно-туннельно, а я в геологической экспертизе здорово поднаторел, глаз — алмаз, как говорится! Данфорт пишет, что Черныш от недомогания вполне оправился. А вот Лавкрафт в больнице — не нравится мне это. А вы видели прошлой ночью эту роскошную конъюнкцию? До чего же мне нравятся ваши ясные, чистые небеса! Нет-нет, геосканер я сам понесу (да, это он), это штука хитрая. А вы можете взять саквояж, тот, что поменьше. Право слово, до чего же я рад вас видеть!

Про мою искривленную правую ступню он не упомянул ни словом, словно и не заметил (об этом своем увечье я в письмах не упоминал, хотя он мог и сам вспомнить о нем спустя шесть лет); он вообще никак не отреагировал ни на нее, ни на мою хромоту — не стал, например, настаивать, чтобы ему и саквояж самому нести. Я тотчас же преисполнился к нему самых теплых чувств.

Прежде чем войти в дом вместе со мною, он замешкался на пороге, похвалил его необычную архитектуру (и об этом я тоже ему не рассказывал) и со всей очевидностью был искренне восхищен, когда я признался, что отец выстроил особняк своими руками. (А я-то боялся, что он сочтет дизайн чересчур эксцентричным и, чего доброго, задастся вопросом, а возможно ли заниматься физическим трудом и оставаться при этом джентльменом!) Он весьма одобрительно отзывался об отцовской резьбе по камню, везде, где бы с ней ни сталкивался; всякий раз требовал задержаться, чтобы рассмотреть узор повнимательнее, выхватывал из кармана блокнот и принимался лихорадочно в нем записывать. Он настоял, чтобы я первым делом устроил ему экскурсию по всему дому, прежде чем согласился отдохнуть или подкрепиться. Я оставил саквояж в отведенной ему спальне (родительской, разумеется), но черный геосканер он повсюду таскал с собой. Футляр оказался и впрямь необычным — в высоту куда больше, нежели в ширину или в длину, с тремя складными приземистыми ножками, так что его можно было вертикально установить где угодно.

Его восхищение отцовской резьбой придало мне храбрости, и я рассказал ему про Саймона Родиа и про нездешне-прекрасные башни, что он строит в Уоттсе. Вновь на свет явился блокнот — и пополнился новыми записями. Похоже, на Уилмарта произвел сильное впечатление тот факт, что в произведении Родиа я усмотрел морские мотивы.

Внизу, в подвале (туда он, конечно же, тоже не мог не заглянуть) отцовские вделанные в пол «Врата Снов» произвели на гостя сильнейшее впечатление: он изучал эту резьбу по камню дольше, чем все прочие образчики. (Я, признаться, застыдился дерзкой надписи и странного выбора места.) Наконец он указал на осьминожки глаза над замком и отметил:

— А это никак Кутлу?

С момента нашего знакомства никто из нас еще не ссылся, прямо или косвенно, на пресловутый исследовательский проект, и эти слова потрясли меня до глубины души. Он же, словно не заметив, продолжал:

— А знаете, мистер Фишер, меня одолевает искушение снять показания с адской черной машинки Атвуда и Пейбоди прямо здесь, на этом месте. Вы не возражаете?

Я заверил, что нет: дескать, приступайте, пожалуйста, хоть сейчас. Но предупредил, что под домом — монолитная порода и ничего более (я рассказал Уилмарту об отцовском даре лозоходца и даже упомянул про Харли Уоррена, о котором, как выяснилось, Уилмарт слышал от некоего Рэндольфа Картера).

Он покивал, однако возразил:

— Я все равно попытаю счастья. Надо же где-то начать, сами понимаете.

Гость принялся осторожно устанавливать геосканер и наконец водрузил его вертикально на трех коренастых ножках точно посередине резного рисунка. Но сперва снял обувь, чтобы ни в коем случае не повредить хрупкий узор.

Затем он открыл верхнюю часть геосканера. Я разглядел две круговые шкалы и огромный окуляр. Уилмарт опустился на колени, приник глазом к окуляру, набросил сверху на голову черный капюшон: ни дать ни взять фотограф былых времен фокусировал свой допотопный аппарат, готовясь сделать снимок.

— Прошу меня простить, но нужные мне показания прибора крайне трудно разглядеть, — сдавленно пробормотал он. — Эй, а это что такое?

Последовала затянувшаяся пауза; ровным счетом ничего не происходило — только плечи его чуть сместились да послышалось несколько тихих щелчков. Затем Уилмарт вынырнул из-под капюшона, затолкал его обратно в черный ящик, закрыл крышку, надел и зашнуровал ботинки.

— Сканер чудит, — объяснил он в ответ на мои расспросы. — Видит какие-то призрачные пустоты. Но не тревожьтесь: наверное, нужно просто нагревательные элементы заменить, а у меня с собой есть запасные. К завтрашней экспедиции аппарат будет в полном порядке! Ну то есть, если... — И он вскинул на меня глаза, вопросительно улыбаясь.

— Конечно же, я смогу показать вам мои любимые тропы в горах, — заверил я гостя. — По правде сказать, мне уже не терпится.

— Превосходно, — с жаром откликнулся он.

И мы покинули подвал. Но под высоко зашнурованными ботинками на кожаной подошве и с кожаными каблуками каменный пол отзывался как-то пустотело (сам-то я был в кроссовках).

Темнело; я взялся стряпать ужин, но сперва напоил гостя чаем со льдом, куда сам он щедро добавил лимона и сахара. Я поджарил яичницу и несколько небольших бифштексов, по изможденному виду гостя заключив, что ему необходимо восстановить силы. А еще я развел огонь в большом очаге, зная, что к ночи неизбежно похолодает.

Пока мы ужинали в свете пляшущего, потрескивающего пламени, Уилмарт делился со мной краткими впечатлениями от своей поездки на Запад: холодные первозданные сосновые леса Южного Нью-Джерси, обитатели которых одеваются в темное и говорят на почти елизаветинском английском; невероятно узкие черные дороги Западной Виргинии; стылые воды разлившейся Огайо — безмятежные, безмолвные, голубовато-серые и неопишимо зловещие под хмурыми небесами; гробовая тишина Мамонтовой пещеры; южные области Среднего Запада с их громкими банковскими ограблениями, этим порождением Великой депрессии, уже ставшими легендой; зыбкое креольское очарование восстановленного Французского квартала в Новом Орлеане; пустынные, неправдоподобно долгие дороги в Техасе и Аризоне, на которых того и гляди поверишь, что и впрямь прозреваешь бесконечность; гигантские длинные синие, исполненные тайны валы Тихого океана («такие непохожие на изменчивые, мятущиеся, короткие волны

Атлантики»), ими Уилмарт любовался вместе с Джорджем Гуденафом Эйкли, который оказался человеком трезвого ума и знал о страшных вермонтских исследованиях своего отца куда больше, чем ожидал обнаружить Уилмарт.

Когда я упомянул про свою находку «Морок над Инсмутом», он кивнул и пробормотал:

— Прототип того юноши, ну, главного героя, сгинул бесследно, а также и его кузен из Кантонской психиатрической клиники. На дно, в Й'хантлей? Как знать?

Но когда я вспомнил про накопившуюся почту на его имя, Уилмарт лишь поблагодарил меня коротким кивком и слегка поморщился: разбираться с письмами ему явно не хотелось. Вид у него и впрямь был смертельно усталый.

Однако ж по окончании трапезы, когда он выпил черный кофе (тоже с большим количеством сахара), а языки пламени вспыхивали и гасли, переливаясь желтым и синим, гость повернулся ко мне, коротко, азартно, приветливо улыбнулся, высоко приподнял на диво размашистые брови и тихо промолвил:

— А теперь вы, конечно же, ждете, что я расскажу вам, мой дорогой Фишер, все подробности проекта, о которых я не решался упоминать в письме, наконец-то дам ответы на все ваши обоснованные вопросы и сделаю все признания, что откладывал до личной встречи. Право слово, я должен поблагодарить вас за недюжинное терпение.

Уилмарт задумчиво покачал головой, взгляд его сделался отсутствующим; он медленно, гибко и как-то нехотя пожал плечами, парадоксально хрупкими и широкими одновременно, соорудил гримаску, точно проглотил что-то горькое, и проговорил еще тише:

— Ах, если бы только я мог рассказать вам больше всего такого, что было бы абсолютно точно доказано! Отчего-то это наш вечный камень преткновения. О, артефакты вполне настоящие и места сомнениям не оставляют: инсмутские драгоценности, стеатиты из Антарктики, Блейков Сияющий Трапецоэдр (этот, впрочем, утрачен — покоится на дне залива Наррагансетт), шипастый набалдашник перил, что Уолтер Гилман вынес из колдовского царства сна (или вневременного четвертого измерения, если угодно), и даже неизвестные науке элементы, метеоритного происхождения и не только, те, что не поддаются никакому анализу, в том числе и новейшему магнитооптическому исследованию, уже давшему нам виргиний и алабамин. Можно утверждать практиче-

ски наверняка, что все или почти все эти жуткие внеземные пришельцы из космоса существовали и существуют, — вот почему мне так хотелось, чтобы вы прочли рассказы Лавкрафта, несмотря на всю их кричащую сенсационность; чтобы вы отчасти представляли себе создания, о которых я говорю. Вот только они сами и свидетельства их бытия имеют прискорбное свойство исчезать по факту смерти — в том числе и изо всех отчетных материалов: изувеченные останки Уилбура Уэйтли, громадный невидимый труп его брата, плутонианец, которого убил старик Эйкли и не смог сфотографировать; метеорит, что в июне 1882 года упал на ферму Нейхема Гарднера и вдохновил старого Армитейджа (тогда еще юного) на изучение «Некрономикона» (с этого-то в Мискатоникском университете все и началось), а ведь отец Атвуда видел его своими глазами и попытался подвергнуть анализу, или то, что Данфорт обнаружил в Антарктике, оглянувшись на чудовищные высокие горы за Хребтами Безумия: теперь, когда его душевное равновесие восстановилось, здесь у него провал в памяти... Все, все сгнуло безвозвратно!¹ Но существуют ли эти создания сегодня — вот где загвоздка! На этот глобальный вопрос мы не в состоянии ответить — хотя всякий раз балансируем на грани. Дело в том, что, — голос звучал все более настойчиво, — если они действительно существуют, то они так невообразимо изобретательны и могущественны, что в данный момент могут находиться где угодно! — И он лихорадочно заозирался по сторонам. — Вот взять, например, Ктулху, — снова начал он.

Я вздрогнул всем телом, впервые в жизни услышав, как звучит это слово: резкий, мрачный, глубинный, односложный рык, что изначально приходил ко мне в воображении, или в подсознании, или в позабытых снах, или...

— Если Ктулху существует, — продолжал между тем Уилмарт, — тогда он (или она, или оно) умеет перемещаться куда угодно через пространство, или воздух, или море, или саму землю. Из опыта Йохансена (от которого бедняга поседел) мы знаем, что Ктулху может существовать в виде газа, может быть раздроблен на атомы — и воссоединиться снова. Для того чтобы путешествовать сквозь твердую скальную породу, туннели ему не нужны — он способен просочиться сквозь камень, «не в ведомых нам про-

¹ Здесь и далее использованы аллюзии на персонажей и эпизоды из повестей и рассказов Г. Ф. Лавкрафта: «Ужас Данвича», «Шепот во мраке», «Сияние извне», «Хребты Безумия».

странствах, но промеж них»¹. И однако ж, нельзя исключать и того, что в непостижимости своей он выберет туннели. Или — вот вам еще одна гипотеза — возможно, он одновременно существует и не существует, то есть пребывает в некоем промежуточном состоянии: «грезит и ждет», как гласит древнее заклинание из архивов Эйнджелла. Послушайте, Фишер, а что, если туннели роют не кто иные, как сны Ктулху, воплощенные в этих ваших крылатых червей?.. Эти исполинские подземные миры — сплошь пещеры и туннели, и, разумеется, далеко не все они — порождение Ктулху, — мне и было поручено исследовать с помощью геосканера. Отчасти потому, что я первый услышал о них от старика Эйкли, а также и — Господь милосердный! — от плутонианца, им притворившегося, — «там, внизу, — великие миры и неведомая нам жизнь: осиянный синим светом К'н-йан, одетый алым заревом Йот и черный, бессветный Н'кай»², обитель Цатогуа, и подземные пространства еще более странные, подсвеченные цветами из космоса и из темного как ночь сердца Земли. Вот так я и угадал оттенки в ваших детских снах или кошмарах (или при обменах разумами), дорогой мой Фишер. Я же видел их и в геосканере — там они, впрочем, крайне нестойки, мимолетны и трудно-различимы...

Голос Уилмарта устало прервался — как раз тогда, когда мое лихорадочное возбуждение достигло высшей точки при упоминании «обмена разумами».

Но гость мой и впрямь выглядел смертельно измученным. Тем не менее я заставил себя собраться с мужеством и произнести:

— Может статься, эти сны удастся вызвать снова, если я приму снадобье доктора Моргана. Почему бы не нынче же ночью?

— Об этом и речи не идет, — отрезал он, медленно покачивая головой. — Во-первых, я вас слишком рано обнадежил. В последнюю минуту Морган не смог снабдить меня нужным веществом. Он обещал выслать его по почте, но до сих пор я ничего не получил. И во-вторых, теперь я склоняюсь к мысли, что такой эксперимент слишком опасен.

— Но по крайней мере, вы сможете проверить и туннели, и цветовой спектр из снов с помощью вашего геосканера? — настаивал я, несколько упав духом.

¹ Цитата из рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Ужас Данвича».

² Цитата из рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Шепот во мраке».

— Если только смогу его починить... — прошептал он, кляя носом и заваливаясь на бок. Затухающее пламя отсвечивало синевой. — Если мне позволят его починить... — невнятно пробормотал Уилмарт.

Мне пришлось проводить гостя до спальни, а затем я ушел к себе, потрясенный, разочарованный. Мысли путались. К непредсказуемой смене настроений гостя, от беззаботного оптимизма до подавленности, вызванной, по всей видимости, страхом, приспособиться было не так-то просто. Но тут я осознал, что и сам валюсь с ног — в конце концов, вчера ночью я глаз не сомкнул, до утра читал «Инсмут»! — и вскорости задремал.

(Голоса скрипуче постанывают: «Колодец с первичным бульоном, Желтый Знак, Азатот, *Magnum Innominandum*¹, переливчатые фиолетово-изумрудные крылья, лазурные и алые клешни, осы Великого Кгулху...» Сгустилась ночь. Прихрамывая, я прошелся по дому из конца в конец, от невысокой мансарды с ее круглыми окнами-иллюминаторами до подвала, прикоснулся к отцовской кувалде, окинул взглядом «Врата Снов». Час близок. Надо побыстрее дописывать.)

Когда я проснулся, ярко светило солнце. Привычные двенадцать часов сна полностью восстановили мои силы. Я зашел к Уилмарту: он сосредоточенно писал что-то за столом под северным окном спальни. В прохладном свете его улыбочивое лицо казалось совсем мальчишеским, невзирая на аккуратно приглаженную копну седых волос, — я его едва узнал. Вся его накопившаяся почта, за исключением одного письма, была распечатана; конверты лежали лицевой стороной вниз в левом дальнем углу стола, а в правом дальнем углу высилась внушительная стопка свеженаписанных почтовых открыток, каждая — уже с адресом и с аккуратно приклеенной новехонькой одноцентовой маркой.

— Доброе утро, Георг, — поздоровался Уилмарт (произнося мое имя как должно: Ге-орг), — я ведь могу вас так называть? Добрые новости — сканер перезаряжен и работает как часы: словом, готов к обзору недр в течение дня! А вот это письмо, пересланное Джорджем Гуденафом, пришло от Френсиса Моргана и содержит в себе порцию вещества для духовных изысканий на вечер! Ровно две дозы — Георг, я посмотрю те же сны, что и вы! — И Уилмарт помахал бумажным пакетиком.

¹ Великий Неназываемый (лат.).

— Это же замечательно, Альберт! — отозвался я совершенно искренне. — Кстати, сегодня мой день рождения, — добавил я.

— Мои поздравления! — возликовал он. — Вечером мы отпразднуем эту дату глотком Морганова снадобья!

Наша экспедиция удалась на славу, во всяком случае, почти до самого конца. Голливудские холмы предстали перед нами в сиянии юной прелести: даже осыпающиеся, насквозь источенные, изъеденные пласты дышали свежестью. Солнце палило вовсю, небеса сияли синевой, но с запада тянуло прохладным ветерком, и проплывавшие в вышине огромные белые облака роняли гигантские тени. Поразительно, но Альберт, похоже, знал здешние края ничуть не хуже меня: он досконально изучил карты и даже захватил их с собой, включая карандашные наброски, некогда присланные мною. Он с первого взгляда опознавал и правильно называл толкнянку, сумах, дуб кустарниковый и прочие виды заполонившей склоны растительности, через которую мы пробирались.

Время от времени, в особенности на моих любимых местах привалов, Уилмарт считывал показания геосканера, который все время держал под рукой; я же нес два походных ящика и небольшой рюкзак. Как только он набрасывал на голову черный капюшон, я вставал на стражу, с палкой наготове. Один раз я спугнул здоровенную, толстую змею — темную, в бледно-розовых разводах; извиваясь, она скрылась в подлеске. Но не успел я и рта открыть, как Уилмарт уже безошибочно определил:

— Королевская змея, гроза гремучников: доброе предзнаменование!

И... при каждом снятии показаний Альбертов черный ящик подтверждал наличие неких пустот — туннелей или пещер — прямо у нас под ногами, на разной глубине, от двух-трех до нескольких десятков метров. Отчего-то ясным погожим днем под открытым небом это нас нимало не тревожило. В конце концов, не того ли мы ждали? Выныривая из-под капюшона, Уилмарт коротко кивал, говорил: «Пятнадцать метров» (или что-нибудь в том же роде), заносил данные в свой блокнот — и мы шли дальше. Один раз он позволил мне попытать счастья, накрывшись капюшоном, но все, что мне удалось разглядеть сквозь окуляр, — это что-то вроде многократно усиленных пляшущих пятен цветного света: то, что видишь в темноте, крепко зажмурив глаза. Уилмарт объяснил, что научиться распознавать нужные показания непросто: необходима специальная подготовка.

Высоко в горах Санта-Моника мы подкрепились бутербродами с говядиной и чаем со льдом — этой незамысловатой снедью я загодя наполнил оба походных ящика. Солнце и ветер омывали нас. Повсюду вокруг громоздились холмы, а за ними, на западе, синел Тихий океан. Мы беседовали о сэре Френсисе Дрейке и Магеллане, о капитане Куке и его великих путешествиях в околополюсных пространствах, о мифических землях, легенды о которых вдохновляли великих мореплавателей, и о том, что туннели, объект наших изысканий, на самом деле ничуть не более удивительны. Мы рассуждали о рассказах Лавкрафта, как если бы речь шла о художественном вымысле и не более. При свете дня на мир смотришь на диво беззаботно и бестревожно.

На полпути назад Альберт вдруг резко, пугающе сдал — разом изнемог и осунулся. Я уговорил его отдать мне черный ящик. Для этого мне пришлось бросить обвисший рюкзак и опустевшие походные ящики, но он, похоже, ничего не заметил.

Уже на подходе к дому мы задержались ненадолго у памятника моему отцу. Солнце почти опустилось к западу, легли темные тени, лучи красноватого света падали почти параллельно земле. Альберт, смертельно уставший, с трудом подыскивал слова, дабы воздать должное творению Родиа, — как вдруг из зарослей за его спиной молниеносно выскользнуло нечто, что я поначалу принял за гигантскую гремучую змею. Спотыкаясь, я кинулся к ней, колотя по ней палкой; тварь со сверхъестественной прытью метнулась обратно в густой подлесок, Альберт проворно развернулся — и в последний момент мне вдруг померещилось, что гибкая, извиляющаяся гадина сверху мерцает фиолетово-зеленым и трепещет крыльями, снизу — переливается сине-алым и пощелкивает клешнями, а грозный рокот трещотки скорее походит на пронзительное жужжание.

Мы опрометью кинулись к дому, не обменявшись ни словом, — каждый беспокоился лишь о том, чтобы товарищ его не отстал. Мой — нашел-таки в себе силы, уж и не знаю как.

Открытки Уилмарта из придорожного почтового ящика уже забрали, зато пришло с полдюжины новых писем на его имя — и извещение на заказную бандероль для меня.

Альберт, не слушая никаких возражений, настоял-таки на том, чтобы свозить меня в Голливуд и забрать бандероль, пока почта не закрылась. Лицо его устрашающе побледнело и осунулось, но — откуда что взялось? — фантастическая энергия просто-таки пере-

хлестывала в нем через край, а колоссальная сила воли не терпела противодействия.

Уилмарт помчал как демон — как если бы от его скорости зависели судьбы миров. Голливуд наверняка решил, что это сам Уоллес Рейд¹ восстал из мертвых и снимается в очередной картине про трансконтинентальные автогонки. «Жестяная лань», воздавая должное своему имени, неслась, как вспугнутая дичь, а водитель поигрывал себе с рычагом переключения передач, дергая его вверх-вниз. Чудо, что нас не арестовали и что мы ни во что не врезались. Я оказался перед нужным окошечком за минуту до закрытия и расписался в получении надежно упакованного, крепко запечатанного и туго перевязанного пакета от (то-то я удивился!) Саймона Родиа.

И мы помчались назад так же быстро, невзирая на все мои протесты: «Жестяная лань» пронзительно взвизгивала на углах и поворотах, а лицо моего спутника напоминало неумолимую, настороженную маску смерти. Мы стремительно взлетели вверх по склону, углубились в осыпающиеся, иссушенные холмы, когда последние отблески дня угасли на западе до фиолетового оттенка и на небо высыпали первые звезды.

Я заставил Альберта отдохнуть и выпить горячего черного кофе с сахаром, пока сам я готовлю ужин: выйдя из машины в стильную ночь, он едва не потерял сознание. Я снова поджарил на решетке несколько бифштеков — если вчера вечером ему требовалось восстановить силы, то сегодня, после нашей утомительной пешей прогулки и пляски смерти по пыльным петляющим дорогам, укрепляющая диета ему вдвойне необходима, грубовато настоял я. («Скорее уж тарантелла „Мрачный жнец“, а, Георг?» — откликнулся он со слабой, но неистребимой усмешкой.)

Вскоре Уилмарт уже снова рыскал по дому — и минуты не мог усидеть на месте! — и выглядывал в окна, а затем оттащил геосканер вниз в подвал, «подвести итог нашим исследованиям». Только я закончил возиться с очагом, как гость мой бегом поднялся наверх. Растопка как раз занялась, и первые белые отблески пламени высветили его пепельно-бледное лицо и обведенные белыми кругами синие глаза. Он дрожал всем телом — в буквальном смысле.

¹ Уоллес Рейд (1891–1923) — звезда немого кино, блистал во многих фильмах, в том числе и с использованием головокругительных автогонок («Через весь континент», 1922; «Двойная скорость», 1920).

— Простите, Георг, своего беспокойного и, как может показаться, неблагодарного гостя, — промолвил он, усилием воли заставляя себя говорить спокойно и связно (хотя и крайне требовательно), — но поверьте, нам с вами нужно немедленно уносить отсюда ноги. По эту сторону Аркхема мы нигде не будем в безопасности — и в Аркхеме, конечно, тоже не будем, но там, по крайней мере, мы можем рассчитывать на совет и поддержку закаленных ветеранов Мискатоникского проекта, у которых нервы крепче моих. Вчера ночью я снял показания под резным орнаментом (и скрыл результаты от вас — я был уверен, что сканер барахлит!) — пятнадцать, Георг, причем сантиметров, а не метров! Сегодня данные подтвердились — вне всякого сомнения, вот только глубина под резьбой сократилась до пяти. Пол здесь — что скорлупа, и пустота внутри отзывается гулким звуком, ни дать ни взять склепы на первом и втором кладбищах Святого Людовика в Новом Орлеане: *они* прогрызают породу снизу, и пир идет горой! Нет-нет, никаких споров! У вас есть время на то, чтобы собрать небольшую сумку: ограничьтесь самым необходимым, но непременно возьмите с собой заказную бандероль от Родиа, мне любопытно, что в ней.

С этими словами Уилмарт удалился к себе в спальню, вскорости вышел оттуда с упакованным саквояжем и отнес его вместе с черным ящиком в машину.

Я между тем, призвав на помощь всю свою храбрость, спустился в подвал. Под моими шагами пол и впрямь звенел куда более гулко, нежели вчера вечером, — я даже ступить по нему опасался, — но в остальном ровным счетом ничего не изменилось. И тем не менее меня охватило странное чувство нереальности: как будто в целом мире не осталось ничего настоящего и подлинного, одни только шаткие декорации, несколько предметов реквизита, в том числе кувалда из пробковой древесины, заказная бандероль, в которой ровным счетом ничего нет, круговая панорама ночных холмов — и двое актеров.

Я опрометью кинулся вверх по лестнице, снял с решетки бифштексы (они уже прожарились), водрузил их на стол перед очагом, в котором негромко гудело пламя, и поспешил за Альбертом.

Но он, предупреждая мое намерение, шагнул обратно в комнату, окинул меня пристальным взглядом — его расширенные глаза по-прежнему напоминали блюдца — и осведомился:

— Почему вы еще не собрались?

— Послушайте, Альберт, — рассудительно произнес я, — вчера вечером мне и самому почудилось, что подвальный пол отзывается как-то гулко, так что я не то чтобы удивлен. И как ни посмотри, на одной только нервной энергии мы до Аркхема не доедем. Даже и не продвинемся толком по дороге на восток, на пустой-то желудок. Вы сами говорите: опасно везде, даже в Мискатоне, а судя по тому, что мы (или, по крайней мере, я) видели на могиле моего отца, как минимум одна из этих тварей уже рыщет на воле. Так что давайте-ка поужинаем — подозреваю, что ужас не вовсе лишил вас аппетита! — и заглянем в бандероль от Родиа, а потом можно и в путь, если надо.

Повисла долгая пауза. Затем выражение его лица смягчилось, на губах прорезалась улыбка.

— Хорошо, Георг, свой смысл в этом есть. Да, я напуган до полусмерти, это чистая правда; собственно, я живу с этим ужасом последние десять лет. Но в данном случае, скажу честь по чести, я куда больше тревожусь за вас: я вдруг внезапно осознал, сколь дурную услугу оказал вам, втянув вас в это кошмарное предприятие. Мне страшно жаль. Но, как вы говорите, приходится примириться с неизбежным, и физически, и иначе... И неплохо бы сохранить при этом толику достоинства, — добавил он с печальным смешком.

Так что мы уселись перед очагом, где плясало золотое пламя, подкрепились бифштексами и гарниром (я выпил бургундского, Уилмарт довольствовался сладким черным кофе), поговорили о том о сем — так уж вышло, что главным образом о Голливуде. В ходе нашей сумасшедшей гонки Уилмарт каким-то чудом углядел книжную лавку, принялся про нее расспрашивать — так беседа и потекла, от одного к другому.

Покончив с ужином, я вновь наполнил его чашку и свой бокал, расчистил на столе место и вскрыл бандероль от Родиа, разделочным ножом взрезав бечевку и сломав печати. Внутри, тщательно упакованный в древесную стружку, покоился чеканный ларец из меди и мельхиора, что ныне стоит передо мною. Я с первого взгляда понял, что вижу работу отца: ковкая чеканка по металлу в точности воспроизводила резной орнамент на подвальном полу, хотя и без надписи «Врата Снов». Альберт пальцем указал на глаза Ктулху, хотя зловещего имени не произнес. Я открыл ларец. Внутри обнаружилось несколько листов плотной высокосортной бума-

ги. На сей раз я узнал отцовский почерк. Стоя плечом к плечу, мы с Альбертом прочли документ, каковой я и прилагаю здесь:

15 марта 1925 г.

Дорогой мой сын.

*Сегодня тебе исполняется тринадцать, но я обращаюсь к тебе и желаю всего самого лучшего в день твоего двадцатипятилетия. Почему я так поступаю, ты узнаешь по мере прочтения письма. Ларец твой — *Leb'wohl!*¹ Оставляю его другу, который перешлет ларец тебе, если в течение ближайших двенадцати лет мне придется уйти. Природа подает мне знаки, что, скорее всего, так и будет: перед глазами моими то и дело вспыхивают неровные, рваные пятна редких подземных оттенков. А теперь читай внимательно, ибо я намерен поведать тебе великие тайны.*

В детстве, когда я еще жил в Луисвилле, мне случалось видеть днем сны, но память их не сохраняла. В сознании оставались черные провалы протяженностью в несколько минут, самое долгое — в полчаса. Иногда я приходил в себя в каком-то совсем ином месте, за совсем иным занятием — но всегда безобидным. Я думал, эти периоды беспомыслия — врожденная слабость или, может быть, кара свыше, но Природа была мудра. Силой я не отличался и до поры знал слишком мало, чтобы с этими приступами справляться. Под руководством отца я изучил мастерство, закалил тело — и учился, всегда учился, когда бы ни представилась возможность.

В двадцать пять лет я влюбился до беспомыслия (это было задолго до твоей матери) в очаровательную девушку; она умерла от чахотки. Однажды я рыдал на ее могиле, и мне пригрезился сон наяву, но на сей раз, призвав на помощь всю силу своей страсти, я сохранил сознание ясным. Я поплыл сквозь глину — и соединился с нею во плоти. Она сказала, что это наше последнее сближение, но зато теперь я обрету способность по желанию своему время от времени перемещаться под землей и сквозь землю. Мы поцеловались — и распрощались навеки, моя Лорхен и я, и я поплыл — я плыл все глубже и дальше, рыцарь ее снов, упиваясь своей силой, точно какой-нибудь кобольд, штурмующий скалу. Там внизу, сын мой, отнюдь не черным-черно, как можно подумать. Там — роскошное многоцветье. Там — синие воды, ярко-красные и желтые

¹ Всего наилучшего! (нем.)

металлы, зеленые и бурые скалы, *und so weiter*¹. Со временем я приплыл назад и воссоединился с собственным телом. Я по-прежнему стоял на краю могилы — но я уже не скорбел, нет: меня переполняла глубокая признательность.

Вот так я научился прозревать сокрытое, о сын мой, и превращаться в рыбу земли при необходимости, буде то угодно Природе, и нырять в Ад Подгорного короля, искрящийся светом. И неизменно цвета самые яркие и чистые и оттенки самые дивные таились на западе. Редкоземельными элементами называют их ученые, которые мудры, но слепы. Вот почему я перевез семью сюда. Под величайшим из океанов земля — это радужная паутина, сотканная самой Природой — тем самым науком, что по ней перемещается.

А теперь ты доказал, что унаследовал мою способность, *mein Sohn*², причем в тебе она проявляется много сильнее. Тебя, как я знаю, одолевают черные кошмары — ибо я дежурил у твоего изголовья, пока ты спал, и я слышал, как ты говоришь во сне, и наблюдал твой ужас, который вскоре уничтожил бы тебя, если бы ты только его вспомнил, чему свидетельством — та единственная ночь. Но Природа в великой мудрости своей ослепила тебя до тех пор, пока ты не обретишь необходимые силу и знание. Как тебе уже известно, я позаботился о том, чтобы образование ты получил в превосходном учебном заведении на северо-востоке страны: этот университет рекомендовал мне Харли Уоррен — лучший из моих работодателей, который немало всего знал о нижних пределах.

А теперь, *mein Sohn*, ты достаточно силен, чтобы действовать, и в придачу мудр, я надеюсь, как верный служитель Природы. Ты серьезно учился, и ты закалил тело. Ты обладаешь силой — и час пробил. Тритон трубит в рог. Восстань, *mein lieber Georg*³, и следуй за мной. Время пришло! Строй на возведенном мною основании — но строй с большим размахом! Тебе принадлежит царство более обширное, более великое! Открой сознание — да пребудет оно ясным! С помощью прекрасной женщины или без нее, но — распахни врата снов!

Твой любящий отец.

В любое другое время этот документ взволновал и потряс бы меня до глубины души. По правде сказать, он и теперь не оставил меня равнодушным, но я был уже настолько потрясен и взволно-

¹ И так далее (нем.).

² Мой сын (нем.).

³ Мой милый Георг (нем.).

ван ключевыми событиями дня, что первым делом подумал: а как именно соотносится с ними отцовское письмо?

— «Распахни врата снов!» — эхом повторил я и тут же добавил, замалчивая вторую из возможных интерпретаций: — Значит, сегодня мне должно принять Морганово снадобье! Альберт, давайте же так и сделаем — как сами вы предлагали нынче утром.

— Последняя воля вашего отца, — тяжело проговорил Уилмарт — этот аспект письма явно произвел на него наиболее сильное впечатление. И тут же воодушевился: — Георг, что за фантастическое, судьбоносное послание! Этот его знак свыше... очень похоже на мигрень. А упоминание про редкоземельные элементы... это же архиважно! И — цвета под землей, распознаваемые, по всей видимости, с помощью экстрасенсорного восприятия! В рамках Мискатоникского проекта давным-давно следовало заняться изучением такого явления, как лозоискательство! О, как мы были слепы... — Он замолчал на полуслове. — Вы правы, Георг, а искушение слишком велико. Но — опасность! Что выбрать? С одной стороны, всевластный отцовский наказ и наше разыгравшееся любопытство — мое так уже через край перехлестывает! С другой стороны — Великий Ктулху и его приспешники. Ох, кто бы подсказал нам правильное решение?

В дверь резко постучали. Мы оба вздрогнули. Поколебавшись мгновение, я метнулся к двери, Альберт — за мной. Я взялся за задвижку, снова замешкался. В конце концов, я же не слышал, чтобы к крыльцу подъехала машина. Сквозь прочную дубовую древесину донесся громкий голос:

— Телеграмма!

Я открыл дверь. На пороге маячил тощий, малость развязный парнишка: его бледное лицо испещрили крупные веснушки, а из-под фуражки во все стороны выбивались морковно-рыжие пряди. Брючины туго крепились к ногам велосипедиста специальными манжетками.

— Кто из вас Альберт Н. Уилмарт? — бодро осведомился он.

— Это я, — выступил вперед Альберт.

— Тогда будьте добры, распишитесь.

Альберт послушно расписался и дал парнишке на чай, в последний момент заменив монетку в пять центов десятицентовиком.

Юнец широко усмехнулся, пожелал нам доброй ночи и неспешно удалился прочь. Я закрыл дверь — и стремительно обернулся.

Альберт уже вскрыл тонкий конверт, извлек послание и разложил его на столе. Он и без того был бледен, но, скользнув глазами по строчкам, побелел еще больше. Казалось, он был на две трети призраком, а прочтя телеграмму, развоплотился полностью. Он молча протянул мне желтый листок:

ЛАВКРАФТ УМЕР ТЧК КОЗОДОИ НЕ ПЕЛИ ТЧК МУЖАЙСЯ
ТЧК ДАНФОРТ¹.

Я поднял глаза. В лице Альберта по-прежнему не было ни кровинки, но теперь в нем отражались не неуверенность и ужас, а решимость и дерзкий вызов.

— Это решает дело, — промолвил Уилмарт. — Что мне еще терять? Клянусь святым Георгием, Георг, мы заглянем-таки в пропасть, на краю которой балансируем! Вы готовы?

— Я первый это предложил, — откликнулся я. — Принести из машины ваш саквояж?

— Нет нужды, — отмахнулся он, извлекая из внутреннего нагрудного кармана бумажный пакетик от доктора Моргана, продемонстрированный мне не далее как нынче утром. — У меня было предчувствие, что мы им непременно воспользуемся, пока этот фантом на могиле вашего отца не напугал меня до полусмерти.

Я принес небольшие бокалы. Уилмарт разделил поровну небольшое количество белого порошка; под его руководством я долил в бокалы воды, и порошок тут же растворился. Уилмарт поднял бокал, словно готовясь произнести тост, и вопросительно глянул на меня.

— За кого мы пьем, надеюсь, понятно, — промолвил я, указывая на телеграмму, которую гость мой по-прежнему сжимал в другой руке.

Уилмарт чуть поморщился.

— Нет, не называйте его по имени. Давайте лучше выпьем за всех наших храбрых товарищей, что погибли или серьезно пострадали в ходе работы над Мискатоникским проектом.

От слова «наших» у меня потеплело на сердце. Мы чокнулись и осушили бокалы одним глотком. Напиток чуть горчил.

— Морган пишет, что снадобье действует очень быстро, — сообщил Уилмарт. — Сперва накапывает дремота, потом засыпа-

¹ Согласно бытующему в Новой Англии поверью, козодой способен почувствовать, что душа расстается с телом, и поймать ее на лету. Эта легенда обыгрывается в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Ужас Данвича».

ешь и, хотелось бы верить, видишь сны. Он дважды опробовал препарат на себе вместе с Райсом и с бесстрашным стариной Армтейджем, который на пару с доктором одолел Ужас Данвича. В первый раз они побывали во сне в Вальпургиевом гиперпространстве Гилмана; во второй раз — во внутреннем городе между двумя магнитными полюсами: в месте с топологической точки зрения уникальном.

Я торопливо плеснул себе еще вина, а Уилмарту — тепловатого кофе, и мы уютно устроились в креслах перед очагом. Пляшущие языки пламени слегка расплывались и одновременно слепили взгляд: это начинало действовать снадобье.

— Честное слово, это послание от вашего отца — нечто совершенно потрясающее, — возбужденно тараторил Уилмарт. — Под Тихим океаном ткется радужная сеть, а нити — эти странно подсвеченные туннели... Какой яркий, осязаемый образ! А паук — это Ктулху? Нет уж, клянусь Богом, я всяко предпочту богиню Природу вашего отца. Она как-то дружелюбнее.

— Альберт, — проговорил я сонно, размышляя об обмене разумами, — а возможно ли, чтобы эти существа оказались благи́ми или хотя бы не такими зловредными, как мы полагаем? Ведь вроде бы именно так и явствует из отцовских видений подземного царства! Что, если и мои крылатые черви ничуть не опасны?

— Большинство наших товарищей убеждались в обратном, — рассудительно отозвался Уилмарт, — хотя, конечно же, про нашего инсмутского героя мы ничего не знаем. Что он на самом деле обнаружил в Й'ха-нтлеи? Чудеса и пышное великолепие? Кто знает? Кто дерзнет утверждать, что ему ведомо доподлинно? Или взять вот старину Эйки там, среди звезд, — обречен ли его мозг в блестящем металлическом цилиндре на вечные муки? Или он пребывает в экзальтации, наблюдая непрерывную смену истинных видений бесконечности? А удиравший от шоггота Данфорт — что на самом деле привиделось ему промеж двух чудовищных горных хребтов, прежде чем он потерял память? И считать ли его амнезию благословением или проклятием? Бог ты мой, мы с ним здорово подходим друг другу... безумец да невротик — отменная парочка, самые подходящие санитары для кошек...

— Печальные вести он вам прислал, что правда, то правда, — отметил я, сдерживая зевок, и указал на телеграмму про Лавкрафта — Уилмарт по-прежнему крепко сжимал ее двумя пальцами. —

А знаете, до того как она пришла, была у меня бредовая идея: дескать, вы и он — это один и тот же человек. Я не про Данфорта, я про...

— Не говорите так! — резко оборвал меня Уилмарт. И сонным голосом продолжал: — Но список погибших куда длиннее... Несчастный Лейк, и бедный, бедный Гедни, и все прочие, те, кто остался лежать под покровом Южного Креста и Магеллановых Облаков... Гениальный математик Уолтер Гилман, про которого справедливо высказывание: «У бедняги сердце не на месте», трагический случай, да-с... Девяностолетний Эйнджелл убит прямо на улице, а Блейка в Провиденсе поразила молния... потом еще Эдуард Пикмен Дерби, этот пухлый аркхемский Шелли, растворяющийся в трупе своей ведьмы-жены... Бог ты мой, тема и впрямь не из веселых... Представляешь, Георг, в Сан-Диего молодой Эйкили (Дж. Г.) показал мне потаенный морской грот, синее, чем на Капри, и на черном магнетитовом песке — след перепончатой ступни... водяной, не иначе... один из гнорри?..¹ а еще... Ах да, конечно... еще Уилбур Уэйтли, футов девяти ростом... Хотя мискатоникским ученым его не назовешь... Но козодои его не заполучили... равно как и его великана-брата...

Я все смотрел в огонь, и вот танцующие в пламени искорки превратились в звезды, в великие сонмы звезд, точно Плеяды и Гиады, сквозь которые старый Эйкили обречен путешествовать вечно, — в свой черед и я провалился в беспмятство, непроглядно-черное, точно пронизанная ветрами, бездонная пропасть тьмы, что явилась взору Роберта Блейка в Сияющем Трапецоэдре, черное, точно Н'каи.

Я проснулся — заочневший, продрогший до костей. От огня, в который я глядел, остался только белый пепел. Накатило острое разочарование: мне ничего так и не приснилось! И тут я слышал низкое, прерывистое, перемежающееся гудение или жужжание.

Я с трудом поднялся на ноги. Мой гость все еще спал, его бледное как смерть лицо с крепко зажмуренными глазами было искажено невыразимым страданием, время от времени он слабо извивался и корчился — словно во власти чудовищного кошмара. Желтый листок телеграммы выпал из его пальцев. Подойдя поближе, я осознал, что звук, не умолкающий у меня в ушах, исходит из его губ: губы эти непрестанно подергивались, и, наклонившись

¹ *Гнорри* фигурируют в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Серебряный ключ».

совсем близко, я разобрал в пугающе членораздельном зудении узнаваемые слова и фразы.

— Мясистая голова со щупальцами... — в ужасе расслышал я. — *Ктулху фхтагн*, искаженная геометрия, поляризирующие миазмы, призматическое искажение, *Ктулху Р'лех*, абсолютная тьма, живое ничто...

Я не находил в себе сил долее наблюдать эту мучительную агонию и слушать эти тлетворные звенящие голоса, а потому схватил Уилмарта за плечи и яростно встряхнул — с запозданием вспомнив строгий наказ моего отца никогда так не делать.

Уилмарт широко открыл глаза, неправдоподобно-огромные на пепельно-бледном лице, сомкнул губы, вскочил на ноги, с силой оттолкнувшись руками от подлокотников кресла, за которые еще недавно держался мертвой хваткой. Все происходило точно в замедленном темпе и вместе с тем, как ни парадоксально, стремительно. Уилмарт в последний раз одарил меня немым взглядом, исполненным невыразимого ужаса, развернулся и кинулся бежать — едва ли не семимильными шагами. Вытянув руку далеко перед собою, он выскочил за дверь — и исчез в ночи.

Я захромал ему вслед так быстро, как только мог. Услышал, как ожил двигатель при повторном нажатии на стартер. И закричал:

— Подожди, Альберт, подожди!

Но не успел я добежать до «Жестяной лани», как фары вспыхнули, взревел мотор — меня окутало облако едких выхлопных газов, — и машина, разбрызгивая гравий, с визгом вылетела из подъездной аллеи и исчезла за первым изгибом дороги.

Я подождал на холоде, пока не угасли последние отсветы и отзвуки. «Жестяная лань» сгинула, словно ее и не было. Небеса уже чуть посветлели в преддверии зари.

И тут я осознал, что все еще слышу эти хищные, злорадные, недобро вибрирующие голоса.

— *Ктулху фхтагн*, — повторяли они (так говорили они всегда, так говорят сейчас и будут говорить вечно), — паучи туннели, черные бесконечности, цвета в непроглядной тьме, многоярусные башни Юггота, мерцающие многоножки, крылатые змеи...

Где-то рядом раздалось низкое, почти членораздельное жужжание.

Я вернулся в дом и записал эти воспоминания.

А теперь я уберу в медно-мельхиоровый ларец рукопись вместе с вложениями, а также и оба стихотворных сборника, что приве-

ли меня к такому финалу, и отнесу ларец в подвал, и возьму отцовскую кувалду (любопытно, в каком теле я воплощусь, если, конечно, вообще выживу), и буквально исполню последний наказ из последнего письма.

Рано утром во вторник, 16 марта 1937 года домовладельцев Райского Хребта (на тот момент — Стервятниковый Насест) разбудили шум и грохот и резкий подземный толчок, что сами они списали на землетрясение — действительно, легкие колебания почвы были зарегистрированы сейсмографами в обсерватории Гриффита, в УКЛА и УЮК (Университет Южной Калифорнии), и нигде более. Днем выяснилось, что кирпичный особняк, известный среди местных жителей под названием Фишера Блажь, обрушился, да так капитально, что ни одного кирпича в целости не сохранилось. Более того, кирпичей обнаружилось куда меньше, нежели разумно было бы ожидать от строения такого размера, как если бы добрая половина их была вывезена под покровом ночи или провалилась в зияющую пропасть под фундаментом. Действительно, руины больше всего напоминали ловчую воронку муравьиного льва, по краям обложенную кирпичами вместо песчинок. Место происшествия было объявлено (и справедливо!) опасной зоной; яму засыпали и частично зацементировали, и, по всей видимости, вскорости здесь началось новое строительство.

На краю завала было обнаружено тело владельца — тихого, скромного юноши-калеки по имени Георг Рейтер Фишер: он лежал лицом вниз, раскинув руки (и тут же — металлический ларец), как если бы пытался выбежать за дверь, когда дом обрушился. Однако ж смерть его объясняется чуть более ранним несчастным случаем или, возможно, актом самоубийства на почве психического расстройства, с применением кислоты (известно, что у эксцентричного отца покойного некогда хранился большой ее запас). По счастью, жертву легко удалось опознать по характерному увечью правой ступни, потому что, когда тело перевернули, обнаружилось, что лицо его целиком выедено, равно как и фрагменты черепа, челюсть и весь передний мозг.